

«Глубоко и эмоционально! Настоящий русский роман»
Игорь Бондарь-Терещенко, «СНОБ»

ОБЛАКО

р о м а н в с т и л е « н у а р »

СЕМЁН ЛОПАТО

Семен Исаакович Лопато
Облако
Серия «Городская проза»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43710259

Облако: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-113156-2

Аннотация

Над городом С. нависает inferнальное Облако, которое завладевает жителями. Липкая атмосфера ужаса парализует их.

Но когда приходит Спасатель, у города появляется шанс.

Сюжет с непредсказуемыми поворотами пугает и заставляет задуматься: не являемся ли мы героями романа?

Сатирический и, в тоже время, философский роман о вещах, которые, быть может, заставили бы беспокоиться и размышлять братьев Стругацких, будь они сегодня с нами.

Содержание

Глава I	5
Глава II	77
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Семён Лопато

Облако

© Текст. Семён Лопато, 2019

© Оформление ООО «Издательство АСТ»

Глава I

– Это что, блокпост? – спросил Вадим.

– Вы с ума сошли, – ответил водитель. – Просто кирпичная будка. Здесь когда-то был пост ГАИ. По-моему, она уже развалилась.

Подсвечивавший равнину солнечный блик вяло истончился и погас, все вокруг стало серым.

– Все, не могу, – сказал водитель, – сил нет, сколько уже едем. Приторможу, отолью. Вы не против?

Рассекая воздух, машина мчалась по пустому шоссе.

– Не против, – сказал Вадим. – Благословляю. У будки и остановите.

Резко взяв вправо, с визгом затормозив и выскочив из машины, водитель, перепрыгивая через арматуру и битое стекло, побежал за будку. С трудом разгибая затекшие ноги и спину, Вадим выбрался из машины. Отойдя на два шага, он посмотрел кругом.

Мириады крохотных пепельных частичек, словно необъятная взвесь от только что спаленного гигантского архива, наполняли пространство над головой и вокруг. Нависая над дорогой, накрывая поле, иногда отсвечивая темно-лиловым под бликами секундно пробивавшегося солнца, они сгущались вдали все больше и больше, так что не более чем километрах в двух отсюда глаз уже упирался в сплошную черную

стену.

Подошедший водитель, затягивая ремень брюк, проследил за взглядом Вадима.

– Облако, – с неожиданным уважением в голосе произнес он.

Налетевший ветер поиграл травой, прораставшей сквозь мусор вокруг будки.

– Странно, – сказал Вадим. – Феномен, артефакт мирового масштаба – а никому и дела нет. Где CNN, где журналисты, где шумиха – как будто и не случилось ничего.

Водитель пожал плечами.

– А чего шуметь, – сказал он. – Если б это в Москве было... А так – кому этот райцентр нужен? Одно слово – глушь. Отсюда хоть пять дней на «Феррари» несись – ни до какого государства не доедешь.

– Государство у нас одно, – назидательно сказал Вадим.

– Ну да, это понятно, – сказал водитель. – Особый путь, духовная миссия, через тернии в жопу, и все такое. – Он, оглядевшись, сплюнул. – Поехали?

Забравшись в машину, они хлопнули дверьми; легко тронув с места, тяжелый черный «Майбах» стремительно рванул по шоссе, все больше зарываясь в сумрак.

– И что, – сказал Вадим, – так за все время ни одного репортажа не было?

– Да все было, – сказал водитель. – И съемочные группы приезжали, и сюжеты снимали, и даже в программе «Вре-

мя» показывали. А толку-то? Сенсации раздувают, когда они важны каким-то финансово-промышленным группам, контролируемым определенными политическими структурами. А здесь-то что? Кому такая сенсация сдалась? Посмотрели и забыли. Не протянет долго такая сенсация, скукожится.

Вадим улыбнулся.

– Как политолог рассуждаете.

– А я и есть политолог, – откликнулся водитель. – Это только рейхсляйтер Борман от шофера подъемным стеклом отгораживался. Здесь тоже такое есть, только Виктор Иванович об этом не знает. Сколько лет Виктора Ивановича вожу, столько и слушаю, что на заднем сиденье перетирают. Политика, политика – уже из ушей лезет. Чего только не обсуждали. Такого наслушался – хоть сейчас в газете колонку готов вести. Только вот вакансий нет.

– Ну да, – кивнул Вадим. – Все места заняты. – Он подумал. – Другими шоферами. Ладно, всего-то осталось – до мэрии меня довезете, и все. Свободны, как вольный ветер.

– Насчет обратного пути-то договорились? – спросил водитель. – Если Виктор Иванович скажет – заберу. А то сюда и поезда-то не особенно ходят.

– Это позже. – Вадим посмотрел на экран мобильного. – Телефон не ловит. Сети нет.

– И не будет, – отозвался водитель. – Мобильная связь здесь не действует. С тех пор, как Облако появилось, восемь лет уже. Ребята из «большой тройки» приезжали, с базовы-

ми станциями мудрили, мерили что-то – все без толку. Не проходит сигнал.

– Так как же они...

– А так. – Водитель коротко прыснул. – С помощью пейджеров.

– Чего?..

– Пейджеров. Помните, были такие?

– Пейджеры. – Вадим подумал. – Их, по-моему, лет двадцать и не производит никто.

– Значит, производит, раз тут все ими обзавелись. Без пейджеров теперь никуда. – Водитель включил дальний свет. – Ну все, подъезжаем.

Выключив ненужный мобильник, Вадим устало ткнулся затылком в прохладный изгиб анатомического кресла. Ночь. Непроглядная чернота по обе стороны от дороги и медленно приближающаяся россыпь огней городской окраины. Все привычно, обыденно и, в сущности, совершенно нормально – если не считать того, что в нескольких километрах отсюда бушевал солнечный летний день. Виктор Иванович, подумал он. Если кто и заинтересован в этом, то кто-то повыше Виктора Ивановича. Виктор Иванович, в сущности, пешка. И я, которого выдернули разруливать все это в самый неподходящий момент. А может, наоборот, в спасительный. Не хочу сейчас думать об этом. Не желаю.

Длинные массивы типовых жилых зданий стремительно приближались.

– А еще раньше радиосвязь использовали, – сказал водитель. – Рации, знаете, такие, как у охранников. Смотришь, идет девушка, держит перед собой рацию и говорит: «Теперь я все понимаю – я тебе с самого начала не нужна была, ты только о себе думаешь. И не любишь ты меня. Прием?» Только потом отобрали, оказалось, менты тот же диапазон используют, типа, эфир им забивают. Так что теперь только пейджеры.

Мимо облупленных пятиэтажек и покосившейся водонапорной башни они въехали в город. После мостика через крошечную речку, там, где улица пошла слегка в гору, по просьбе Вадима они остановились. Круглая афишная тумба стояла справа от дороги, с трех сторон подсвеченная в темноте вкопанными в землю прожекторами. Опустив стекло, Вадим минуту разглядывал свеженаклеенную афишу.

Грандиозное незабываемое представление!

Снова в городе Великолепная и Потрясающая, ни с чем не сравнимая Плавающая Опера!

На среднем течении речки Семиструйки, за мостом на Левый берег, на празднично декорированной дрейфующей платформе – красочное и масштабное представление оперы Мейербера «Гугеноты»!

Афанасий Тигелев – в роли Рауля, Вера Тихорецкая – в роли Валентины.

Захватывающие пиротехнические эффекты, прожекторное шоу, новаторская современная сценография.

В представлении участвует
всем известный конь Василий.
С благословения архиепископа
Железнодорожско-Илимского и Крутецкого Феофана.
Народный праздник, цветы для женщин, крещение
в реке Семиструйке всех желающих.

Подняв стекло и нервно усмехнувшись, Вадим дал знак водителю двигаться дальше. Город преподносил первый сюрприз. Все было непонятно – почему православный архиепископ благословил оперу во славу протестантов, что делали посередине реки Афанасий Тигелев и Вера Тихорецкая и чем был продиктован такой странный выбор репертуара и такой воинствующе экзотический вариант его подачи. Мимо пролетали городские кварталы. Интересно, кто будет производить крещение, подумал Вадим. Остается надеяться, что не конь Василий. Хотя, если вдуматься, каким еще способом классическое искусство может в современных условиях, так сказать, оставаться на плаву. И вообще, что, в сущности, представляет собой это неожиданное формотворчество – дерзкий порыв влить в традиционные классические формы новую струю или попытку плыть по течению? Плохо у меня с юмором, подумал Вадим. Опустился до дешевых каламбуров. В нормальном состоянии я бы себе такого не позволил. Он закрыл глаза.

Это, наверно, было самым страшным в Ларисе – эти неожиданные, спокойные, разом все отрезающие фразы.

Произнесенные обычным ровным тоном, с какой-то стойкостью обреченного всезнания, с отрешенной уверенностью, по нелепой, пустяковой причине переносящие на тебя опыт, полученный с кем-то другим, сообщающие то, что уже решено и не может быть оспорено. Ты живешь, ничего не подозревая, и вдруг в один момент, посреди тишины, получаешь все это, то, что в какой-то несчастливый миг запало ей, то, что она вынашивала, обдумывала, не советуясь с тобой, – быть может, в какой-то момент это еще можно было перехватить, и доказать, и переубедить, но все шло исподволь, и ты в беспечности не замечал этого, и вот все сказано, и ничего нельзя исправить. Поделом тебе, подумал он. Ты ведь был чуть ли не феминистом. Ты сам говорил, смеясь, что стервой обычно называют женщину, действующую в собственных интересах. И ты так себе нравился в этот момент – поднявшийся над мужскими слабостями и предубеждениями, широко мыслящий, повторяющий, что в жизни, слава богу, видел от женщин только хорошее. Это было неправдой, но именно таким ты хотел видеть себя, и ты сам почти что в это поверил. Ну так на тебе – вот они тебе, в полный рост – женская воля, и самостоятельность, и индивидуальность, все, что ты так ценил и уважал, – с размаху, от сердца, наотмашь, получи и распишись. Странно, я был такой рассеянный и благодушный в это утро – что редко со мной случается, и в этот момент, складывая в кухне на столе какую-то дурацкую маечку, она сказала: завтра я съезжаю от тебя. Кто-то из великих

сказал, что срок любовных переживаний мужчины недолог – если он не застрелится сразу, то через две недели он будет в порядке – и вот две недели прошло, и я живой, я хожу, вижу, разговариваю, даже способен думать, я знаю – понимаю умом – что должно прийти облегчение, но оно не приходит, и уже не верится, что придет, – все это было однажды, тогда, двадцать лет назад, я был студентом-третьекурсником, и я расстался с ней – с девушкой, с которой был готов связать свою судьбу, память размывает тяжелые воспоминания, и, наверно, поэтому я лучше всего помню, как выходил из всего этого. Я мучился тогда, и тогда мне вдруг приснился Ронни Джеймс Дио – сидящий в ботфортах на бампере какого-то фешенебельного автомобиля – я даже потом понял, откуда это, с буклета какого диска это взято – хотя тогда это было неважно – неподвижность и тишина, холодный бессолнечный свет бесконечного, запредельного пространства, и больше ничего. Он смотрел на меня, как и полагается небожителю, мудрым, всепонимающим, чуть грустноватым взглядом, и вдруг он сказал, глядя на меня, так просто и словно освобождаяще: «Одиночество – всего лишь слово». И я проснулся, и я сразу почувствовал, что мне стало легче. Грусть, страшная, ломающая грусть, и все-таки как будто тропинка назад, и беззвучное белое утро, и мир, где-то там за окном, и ты пойдешь по этой тропинке, пусть медленно, и отчаяние, как грустная сестра, будет глядеть тебе вслед, пока не потеряет из виду и все не кончится.

Машину тряхануло на ухабе.

Поэтично, подумал Вадим, да, поэтично, просто набрать чернил и плакать, только совсем не похоже, чтобы нечто подобное случилось сейчас, на этот раз. В одну реку нельзя войти дважды (даже если это река Семиструйка, ехидно подсказала ему какая-то часть сознания, не подверженная сантиментам, всегда готовая к холодному остервенелому остроумию), не получится ничего. И Дио умер, и знать бы, где эта тропинка.

С узкой, петляющей улочки машина свернула на проспект.

– Ну вот, почти приехали, – сказал водитель. – Что хорошо здесь, так это пробок нет.

– Потому что машин нет, – сказал Вадим.

– Ну почему, – сказал водитель, – сами видите, попадают. Новые, конечно, мало кто покупает, да и подержанных тоже, но выкручиваются как-то, ремонтируют, ремонтных мастерских понаоткрывали, приспособливается народ. А в общем-то, не подумайте – обычный провинциальный город. Темно только.

Они пересекли маленькую площадь и остановились у массивного здания в глубине.

– Ну вот, мэрия, – сказал водитель. – Ну, типа, я свое дело сделал, возвращаюсь. Дальше вы уж сами. Что передать Виктору Ивановичу?

Обернувшись, Вадим подтянул с заднего сиденья пласти-

ковый чемоданчик.

– Не знаю я, что передать, – сказал он. Он посмотрел на здание, в тусклом свете фонарей выступавшее из тьмы. – Коммунистический привет ему передайте.

– То-то он обрадуется, – согласился водитель. – Ладно, вы уж поосторожней тут. Про эти места вообще-то много чего болтают, я, правда, ничему не верю, ну да кто его знает. С городского телефона звоните, если что.

– Если что? – спросил Вадим.

Ухмыльнувшись, водитель протянул ему руку. Пожав ее, Вадим выбрался из машины. Слыша за спиной аристократический рев удалявшегося «Майбаха», шагая по асфальтовой дорожке между зачахшими клумбами, он поднял глаза. Здание мэрии, явно построенное в эпоху, когда архитектура считалась архитектурным излишеством, угрюмо нависало над площадью шестью массивными этажами – судя по расположению окон, потолки в помещениях были неприлично высокими. В нескольких окнах горел свет, большинство погашенных, впрочем, говорило скорее об отсутствии разумной жизни. Вход в здание предваряло некое подобие колоннады с четырехугольными гранитными колоннами; проходя между ними, Вадим на секунду остановился перед свеженаклеенной афишей.

Вниманию всех!

В пятницу в 19:00 в помещении

ДК Газоацетатного завода:

Фестиваль экстремального металла
Участвуют группы:
Копыто Люцифера
Euphoria Diabolica
Infernalìa Prima
Ангелы Бафомета
Врата Ахримана
Tormentor Dei
Специальный гость фестиваля —
группа Incunabula Dagonica
По окончании – автограф-сессия.
Come and stay dark!
Билеты в кассах ДК

Перечитывая названия групп, Вадим еще мгновение постоял перед афишей. В объявлении чего-то не хватало. Возможно, упоминания о том, что мероприятие проклято архиепископом Железнодорожско-Илимским. Подивившись разнообразию музыкальных вкусов местных жителей, двинувшись дальше и отбросив ногой предмет, о который чуть было не споткнулся (это оказался старый противогаз с разбитым стеклом), он вошел в здание.

Допотопной вертушке со сторожившим ее подслеповатым вахтером предшествовала площадка с окошком бюро пропусков. Сунув в него свой паспорт и, к своему удивлению, через минуту получив его обратно вместе с пропуском, поданным рукой в зеленом мохеровом рукаве и с перстнем с россыпью искусственных изумрудов, он предъявил пропуск

медитировавшему вахтеру (тот не шевельнулся), протиснулся через вертушку и, заглянув в бумажку с номером комнаты, поднялся на второй этаж.

На втором этаже в просторном холле перед явно запертой дверью с табличкой «Помощник мэра Финютин С. В.» потерянно слонялся человек в рубахе в красную клетку, полотняных брюках, кедах, с взъерошенной шевелюрой и в массивных роговых очках. Увидев Вадима и поспешно подойдя к нему, он протянул ему руку.

– Бляхин, – сказал он. – Синоптик.

В некоторой задумчивости Вадим обменялся с ним рукопожатием. Разумеется, синоптику полагается иметь вид фольклорного идиота, выходящего в летний солнечный день на улицу на лыжах и в свитере с красными оленями, но в предстоящем совещании он рассчитывал на несколько иное представительство. Словно что-то почувствовав, человек быстро обернулся.

– В общем-то, все уже подъехали, – торопливо сказал он. – Вон, видите, вещи бросили, просто покурить вышли. А Сергей Владимирович сейчас будет. Да вот они все.

Со стороны лестницы озабоченно приближались несколько человек, причем, как это всегда бывает, кто из них помощник мэра, было видно сразу. Точно так же безошибочно опознав в Вадиме человека из Москвы, помощник мэра с радушной и, как показалось Вадиму, почти искренней улыбкой чуть придержал его за плечо, пока остальные заходили

в кабинет.

– Полчаса официоза, прошу прощения. Нужно комиссию провести, все-таки протокол, сами понимаете, так уж положено. А потом уже поговорим, так сказать, приватно.

Вслед за всеми Вадим вошел в кабинет. Своей внешностью помощник мэра неуловимо напоминал ему какого-то порноактера, чье лицо постоянно попадалось ему, когда, переключая программы спутникового телевидения, он проходил через эротический канал – то же слегка смазливое лицо с предупредительно-неконфликтным выражением, не лишенным, однако, некоторого достоинства.

Вошедшие расселись за длинным столом. После вступительных двух-трех фраз (судя по всему, все присутствовавшие были давно знакомы друг с другом) включился проектор, и на экране возник первый кадр презентации.

Судя по розданной повестке дня, это была первая из четырех запланированных презентаций, призванных отобразить текущее состояние дел в городе, связанное с присутствием Облака, – химической, геофизической, метеорологической (чем, видимо, объяснялось присутствие синоптика) и санитарно-эпидемиологической. Первоначально, судя по первым кадрам презентации, подобные заседания комиссии проходили ежемесячно, затем ежеквартально, а в последние три года – раз в полугодие. Подперев кулаком щеку, Вадим покорно следил за меняющимися изображениями.

Технология презентаций, введенная практичными амери-

канцами как способ показать кратчайший путь к деньгам, в России, как и все, приходящее с Запада, была по-своему переосмыслена, результатом чего стало возрождение, казалось бы, навсегда ушедшего в прошлое искусства народного лубка – прием, применявшийся за рубежом для обнажения смысла, в отечественных условиях стал использоваться для преобразования текста любой длины в книжку с картинками. Одним из следствий этого стало, между прочим, то, что руководство полностью перестало читать какие-либо бумаги и перешло к мышлению на уровне пиктограмм, что же касается исполнителей, то они, побрыкавшись, в итоге смирились с необходимостью подготовки презентаций как с дополнительным неизбежным злом.

Во всех четырех презентациях ключевым было слово «стабильность». Химическая обстановка была стабильной. При этом, правда, тот факт, что стабильность объема и конфигурации Облака вне зависимости от изменений температуры окружающей среды находится в грубейшем противоречии одновременно с законами Гей-Люссака и Менделеева – Клапейрона, как сокрушенно заметил докладчик, по-прежнему не находил объяснения, и вопрос нуждался в дальнейшей научной проработке. Геофизическая обстановка также была стабильной, если не считать несоответствия между картиной распространения в Облаке электромагнитных излучений и положениями кинематической теории дифракции, упомянув о котором, докладчик предпочел на эту тему боль-

ше не распространяться.

Метеорологическая обстановка также была стабильной – установившееся за время присутствия Облака годовое распределение среднесуточных температур в настоящее время соответствовало климатической обстановке Южной Норвегии, объявив о чем, синоптик торжествующе обвел взглядом присутствующих, ожидая то ли криков восторга, то ли яростных возражений, ни того ни другого, впрочем, не последовало.

В области санитарно-эпидемиологической обстановки стабильность господствовала безраздельно. Сезонная вспышка острых респираторных заболеваний была безжалостно подавлена, население послушно делало прививки, а ни единого случая птичьего гриппа за все время существования Облака вообще не было зафиксировано; впрочем, на корреляции этих двух факторов докладчик не настаивал.

В целом атмосфера была затхлой. Чувствовалось, что время бурных обсуждений происшедшего давно прошло, все копыта давно были сломаны, эмоции растрачены, а сами исследования сдулись и перешли в стадию скептицизма и рутинной отчетности – судя по отношению присутствовавших к происходящему, финансирование также было стабильным, но уровень его явно недостаточным.

Выслушав слова благодарности со стороны помощника мэра за интересные сообщения и объявление, что следующее заседание состоится завтра в три часа, участники ста-

ли неспешно расходиться. Ожидая помощника мэра, вышедшего проводить гостей, оставшись в пустой комнате, Вадим некоторое время сидел у стола, рассматривая бессмысленные дипломы на стенах. Не зная, чем себя занять, он встал и подошел к окну.

Неподвижность и тишина. Черный пустынный пейзаж, отчужденный и без движения, как где-нибудь на Венере, темное застывшее пространство с редкими огоньками стоявших в отдалении домов и тусклыми искорками временами появлявшихся медленно двигавшихся машин. Все выглядело каким-то зыбким и нездешним, и странным казалось, что там, вдали и внизу, может быть какая-то жизнь и есть люди.

Слегка запыхавшись, помощник мэра, на ходу ослабляя петлю галстука и стаскивая пиджак, вернулся в комнату. Повесив пиджак на спинку кресла и заглянув на полку с кофейными чашками, он быстро оглянулся.

– Кофе будете?

Не слушая ответа, включив кофе-машину и поставив рядом с ней чашки с брошенными в них кусочками сахара, казалось, с некоторым облегчением он занял свое место в кресле за столом.

– Задолбали, уроды, – словно интимно жалуясь, сообщил он. – Четвертый раз одни и те же презентации привозят. Только даты поменяли и на диаграммах по столбику прибавили. Ни стыда ни совести. И еще увеличения финансирования требуют.

– Откуда они? – спросил Вадим.

– Из Санкт-Петербурга, – ответил помощник мэра. – А эпидемиолог и климатолог из Новосибирска. Серьезные институты, нам еще в самом начале их порекомендовали – с самого верха, кто знал, что все так закончится. Вы извините за этот спектакль, о вас меня предупредили, для вас настоящие материалы приготовлены, сейчас принесут, специально отбирали. Вам с молоком?

Секунду подумав, Вадим подсел поближе.

– Что-нибудь расскажете? – мгновенье помедлив, спросил он.

Некоторое время помощник мэра, казалось, раздумывал, помешивая в чашке ложечкой.

– Все потому, что жертв нет, – как будто даже с некоторым сожалением сказал он. – Если б жертвы были, все б по-другому обернулось, сразу бы все забегали, давно бы разобрались и решили все. Сначала так и было – как выброс на химкомбинате случился, сразу чрезвычайное положение объявили – облако-то огромное, черное, МЧС набежало, эвакуацию было начали – народ-то здесь привычный, в советские времена каждые десять лет аварии случались – все как положено, с жертвами, в семьдесят восьмом от химзавода облако хлорциана поднялось, пошло прямо на город, в последний момент ветер переменился, а то было бы такое – Индия отдыхает. И тогда, восемь лет назад – облако накрыло, кругом тьма, все уже приготовились гимн петь и на кладбище бежать, а

потом смотрят – все живы, ничем не пахнет, никто не кашляет, не чихает, ну да – темно, ну так что с того, электричество включи и живи. Сразу все расслабились, МЧС уехали, типа, смог, разбирайтесь в рабочем порядке, тут тоже думали – ветер подует и унесет, облако, подумаешь. А потом день проходит, другой проходит, ветер дует в одну сторону, в другую, неделя проходит, облако на месте, две проходит – то же самое, понимаете – ветер дует, а облаку хоть бы что. И тьма. Тут уже начали суетиться, институты подключили, ну, дальше вы знаете.

– И что институты? – спросил Вадим.

Помощник мэра, разом скиснув, махнул рукой.

– Да ничего они не понимают. «Нестабильность изоморфных структур...» Сначала загорелись, измерения какие-то проводили, а потом как-то все разом сдулись. «Явление не соответствует уровню современных теоретических представлений». Какие там представления... Они до сих пор, из какого вещества Облако состоит, понять не могут.

– Почему не могут?

– Как – почему? – Помощник с мстительным удовольствием посмотрел на Вадима. – «Нестабильность изоморфных структур».

– А... – Вадим кивнул. – Тогда понятно.

– Хотя есть энтузиасты, годами здесь сидят, работу бросили, пытаются разобраться в чем-то... пустое занятие, по-моему. А пока за восемь лет население уменьшилось на треть,

народ разъезжается, четверть жилого фонда пустует, за услуги ЖКХ платить практически перестали, и, главное, инвестиции на нуле, да и понятно – кто будет инвестировать в город вечной тьмы.

– Как теневой сектор экономики? – не удержавшись, спросил Вадим. – Развивается?

Помощник неожиданно прыснул.

– В том-то и дело, что нет. Даже уровень преступности снизился.

– А вот это уже серьезно. – Вадим, почти не шутя, посмотрел на помощника. – Статистические данные есть?

– В подборке будут. Вроде справку по криминогенной обстановке готовили. – Помощник осторожно взглянул на Вадима. – А вы тут, я так понимаю, как раз в связи с инвестиционной обстановкой?

Рефлекторно сделав отсутствующее лицо, Вадим отвел глаза.

– Как вам сказать. Законсервированное предприятие тоже называется активом. Кому-то в Москве хотелось бы, чтобы название соответствовало содержанию. Тем более в ситуации, когда не исключен новый передел рынка.

– Не в химии здесь дело, – подумав, внезапно сказал помощник. – Поливалентные в этом Облаке структуры или какие другие, это все не важно, это потом разберутся, а не разберутся, так и бог с ним. Что-то на самом комбинате случилось. Дело давнее, но понять, размотать бы. Разговоры раз-

ные ходят, послушать, так что-то странное там творилось, и, по-моему, не просто так оно появилось, Облако это. Разобраться бы во всем этом, с людьми поговорить бы.

Вадим удивленно повернулся к помощнику.

– А разве кто-то еще остался? Мне говорили...

– Большинство разъехались, конечно, – кивнул помощник. – Но пара человек из бывшего руководства вроде еще здесь. Когда расследование было, конечно, как и все, в отрицаловку ушли, я не я, и лошадь не моя, но если сейчас поговорить, кто его знает, вдруг проговорятся, может, и всплывет что-то.

– Контакты есть? – спросил Вадим.

– В папку адреса вложены. Два человека, может, и еще кто-то остался, но по остальным нет сведений. Я с ними пытался говорить когда-то, но я – официальная власть, не пошли на контакт. Может, у вас лучше получится.

Вошедшая женщина в меховом жилете положила на стол раздувшуюся старомодную папку с завязочками.

– Ну вот, все здесь. – Помощник с надеждой посмотрел на Вадима. – Так, может, все-таки сходите, поговорите? Только к ним домой идти придется, мы тут недавно проверяли – телефоны у обоих, как назло, отключены давно за неуплату.

– Разберусь. – Вадим щелкнул замками. Объемистая папка хотя и с трудом, но все же поместилась в портфель. – Какого рода там материалы?

– Да всякой твари по паре. – Помощник подумал. – Тема-

тические справки, выдержки из отчетов, слухи, сплетни... Многого не ждите, но до завтрашнего дня хватит. Завтра заседание в три, не забудьте.

– Не забуду. – Вадим поставил кейс у ножки стула. – До гостиницы тут как лучше добраться?

– Сейчас я вам такси по пейджеру вызову. – Помощник полез в ящик стола. – Вы где остановились?

Вадим заглянул в бумажку.

– «Шангри Ла».

Набрав текст на пейджере, помощник нажал пискнувшую кнопку.

– Виталий Николаевич очень хотел с вами встретиться, – сказал он. – Не получилось, он сейчас на совещании, у губернатора, в Железногорск-Илимске. Но вы ведь до конца недели задержитесь?

– Не знаю, – сказал Вадим. – Трудно пока сказать. Как пойдет.

– Как пойдет, понятно. – Помощник покивал. – Если от нас что-то надо, пожалуйста, сразу же обращайтесь. Любая помощь. – Он словно в замешательстве оглянулся. – А такси ваше наверняка уже пришло. Таксистов у нас больше, чем клиентов, а пробок здесь не бывает.

– Спасибо. – Вадим поднялся. Уже почти дойдя до двери, он остановился. – Скажите... – он секунду поколебался. – А правда, что у вас тут черный снег выпадает?

– Темно-серый, – сказал помощник. – Когда снежинки в

руке растают, на ладони песчинки черные остаются. Вода отдельно, песчинки отдельно.

– Понятно.

Аккуратно закрыв за собой дверь, Вадим вышел в холл. Спустившись вниз и отдав пропуск спящему с открытыми глазами вахтеру, он вышел на улицу.

Потрепанный «Фольксваген» уже стоял у тротуара. Сев и сказав шоферу «Шангри Ла», Вадим на мгновение закрыл глаза. Надо быть занятым, подумал он. Надо постоянно быть занятым. Вот я сейчас говорил с ним, и я был практически нормальным человеком. Сейчас приеду в гостиницу и буду читать эти материалы, страницу за страницей, подробно, вдумчиво, въедливо, кропотливо; хорошо, что их так много. Буду их сопоставлять, анализировать, проверять на внутреннюю непротиворечивость, на системную полноту, буду выдвигать версии, предположения, гипотезы, и их потом тоже буду сопоставлять, проверять, анализировать – на внутреннюю непротиворечивость, на системную полноту, так и буду этим заниматься, пока не отрублюсь к чертовой матери. А завтра попрошу еще. И наверняка мне дадут. Только так и надо здесь.

Машина внезапно остановилась.

– Шангри Ла, – сказал шофер.

Подняв глаза, Вадим мутно посмотрел на мерцавшую сквозь стекло вывеску.

– Шангри Ла?

Шофер вопросительно скосил на него глаза.

– Шангри Ла.

Кладя конец этому разговору двух готтентотов, он тронул пальцем экран планшета.

– Сто рублей.

Отдав деньги, Вадим вышел из машины.

Войдя в холл гостиницы, он недоуменно оглянулся. Вместо ожидаемых диванов, столиков и девушек за стойкой ресепшн перед ним было покрытое пластиковой пленкой пространство, уставленное заколоченными ящиками, с кучами мусора по углам. Стойка ресепшн, впрочем, присутствовала – на ней лежал человек в рваных джинсах и бандане, увлеченно читавший книжку в засаленной обложке и время от времени прыскавший от смеха. С некоторой задержкой заметив вторжение, отложив книжку, он приподнялся на локте.

– Привет, брат, – произнес он.

– Миру мир.

Приблизившись, Вадим, уже догадываясь о случившемся, еще раз оглядел пространство.

– Остановиться здесь, я так понимаю, не получится.

– Ну, возможность остановиться всегда есть, – с готовностью заметил собеседник. – Вопрос в том, готов ли сам человек сделать такую остановку.

– Я имею в виду, снять номер на несколько дней, – кротко сказал Вадим.

Лицо собеседника выразило сожаление.

– Извини, брат. Закрываемся, нет постояльцев. Ничем не могу помочь.

Еще раздумывая, Вадим бросил взгляд на завернутую в пластик хрустальную люстру в углу.

– А другие гостиницы в городе есть?

Потянувшись к стоявшему в изголовье раскрытому ноутбуку, собеседник некоторое время просматривал интернет-страницы. Подойдя, Вадим покорно ждал своей участи. Вздохнув, человек захлопнул ноутбук.

– Извини, брат. Похоже, ни одна не дышит. Что делать, кризис.

– Харе Кришна, – сказал Вадим.

Секунду они смотрели друг на друга.

– Если бы мы были на аэродроме, – внезапно сказал собеседник, – мы бы обнялись и расцеловались.

Оценивая сказанное, Вадим невольно усмехнулся. Уходя, он бросил взгляд на лежавшую страницами вниз раскрытую книжку. Это была «Симуляция бессознательного в дискурсе экономики деривативов» Бодрийара. Аккуратно придерживав стеклянные двери, он вышел на улицу.

Черная, черная ночь. Влажный, чуть тепловатый ветер порывами стлался вдоль улицы – одиночные прохожие вдали и редкие, мутно мерцающие вывески. А я ведь знаю все это, внезапно подумал он. Тронутый неожиданно сильным чувством, на мгновение он остановился. Откуда-то из детства

все это вдруг вновь встало перед ним – спальный район на окраине, стылые дома без витрин и прохожие, бредущие бесконечными зимними вечерами по продуваемым ветром улицам неизвестно куда, темный волнистый лед под ногами и изморозь на голых ветках, тусклые неоновые вывески с погасшими буквами и черные стекла окон – все это было почти таким же, и это было перед ним.

Встряхнувшись, Вадим медленно пошел по улице. В моем детстве всегда зима, усмехнувшись, подумал он. Мимо с шумом пронеслась машина. Да, это похоже, похоже, очень похоже, не совсем так, но все-таки похоже, только... – он, вздохнув, оглянулся – только здесь теплее.

Еще раз вздохнув, он пошел дальше. Внезапно он вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего дня. Потом найду какую-нибудь гостиницу, подумал он. Не может быть, чтобы ни одной не было, – частный сектор, в конце концов, или что там еще. А сейчас поесть. Привлеченный огнями вывески в узком, идущем вниз переулке, он бездумно свернул туда.

Заведение называлось Gothic-Doom Cafe. В очередной раз подивившись своеобразию местных условий, Вадим толкнул дощатую, окованную железом дверь; спустившись по деревянной скрипучей лестнице, он оказался в темном сводчатом зале. Обстановка внутри была примерно такой, как он ожидал – дубовые столы и скамейки, ржавые секиры на стенах, постеры металлических групп в средневековых облачениях, немного странной выглядела только одна

из стен и площадка перед ней, выстланные алым бархатом, словно приготовленные для некоего действия. Увидев в дальнем углу стол, окруженный не скамейками, как остальные, а дубовыми креслами, Вадим пробрался туда.

Народу в заведении было неожиданно много, приглядевшись, он с удивлением отметил отсутствие пивных кружек на столах, перед посетителями стояли только бокалы с вином, в воздухе шелестели тихие разговоры, все как будто чего-то ждали. Едва он успел сделать заказ, как помещение наполнил звук органа, разом потускнели светильники, и в площадку, выстланную алым бархатом, ударили скрещенные световые конусы прожекторов. Площадку озарила вспышка, породившая облако дыма, из клубов которого мгновение спустя показались три фигуры в черных балахонах с остроконечными капюшонами, из-под сводов разнеслось «*Veni omnipotent aeterne diabolus*», наплывом воздуха откуда-то сбоку дым отнесло в сторону, и все три фигуры, одна за другой, сделали шаг вперед.

Стоявший посередине человек более всего привлекал внимание. Высокий, с длинными русыми волосами и резкими чертами бледного аскетичного лица, на котором выделялись горевшие ровным спокойным светом глаза, он на мгновение склонил голову, словно в задумчивости, или, быть может, прислушиваясь к какому-то ему одному слышному звуку, стоявшие по обе стороны от него девушки так же, словно в смирении, потупили глаза, меж слегка разошедшихся пол

их балахонов стали видны их обнаженные тела.

Человек между тем решительно поднял голову, одновременно призывающим жестом чуть вскинув руку, внимание всех сидевших в зале, впрочем, и так уже было приковано к нему, мгновенье – и в помещении зазвучал его мгновенно завораживающий, какой-то всепроникающий голос.

– Отложите яства, отодвиньте кубки.

Не ждите от Посланца слов благих, ибо в мире нет благодати.

Не для того я пришел к вам, чтоб призывать к вере, ведь верующие лишь рабы пустоты.

И не хочу я ни строить, ни разрушать иллюзий – что сами построили, то и разрушите.

Говорящий откинул капюшон, луч прожектора высветил твердый прищур его глаз и жесткую складку губ.

– Нет заслуги в том, чтобы любить то, что прекрасно. И жалок тот, кто бодр духом в надежде на обещанное спасение.

Но славен тот, чей дух тверд там, где нет ни спасения, ни совершенства.

Нет и не будет их, так внимайте же, ибо ничтожен всякий отвернувшийся от правды.

Счастье недостижимо, конфликты неразрешимы, надежды обречены, усилия тщетны. Смерть и тьма ждут нас всех, они подбираются, они почти уже здесь. С ними невозможно

договориться и нельзя победить. Но капитуляции не будет.

Падая и оступаясь, теряя и обретая, истлевая и восставая, идет человек на штурм неба.

Найдя – не загораживайся, увидев – не отшатывайся, познав – не обманывайся.

А потому вот послание книги вечной.

О терпении и твердости слово ее.

Его и запечатлейте в сердцах.

Свободным всевидящим движением говорящий поднял голову.

– Не оказывай непрошеной помощи, ибо этим оскорбишь гордого.

Не давай непрошенных советов, ибо уподобишься глупцам.

Сторонись боящихся ответственности, ибо от них идет предательство.

Не презирай блудниц, ибо только они честны.

Не делись тяготами с близкими, ибо только хорошим надлежит делиться с любимыми.

Не проси у друзей бесплатной помощи, ибо лучше обогатить друга, чем постороннего.

Никогда никому не угрожай. Уж лучше сразу сделай. Ибо угрозы бояться лишь трусливые, а их нет там, где вершатся великие дела. Угрожая – предупреждаешь, предупреждая – вооружаешь, зачем же вооружать врага своего?

Слушай лишь первые слова, верь лишь словам, что срыва-

ются с кончика языка, ибо все поправки, дополнения, уточнения – суть ложь.

Убей в себе страх – первопричину всех бед, и очистится взор твой.

Между поступком и не поступком выбирай поступок, ибо, совершив его, увидишь мир изменившимся, а в нем – и нелепость прежних страхов своих.

Бойся отвергающих радости земные, ибо больше они любят смерть, чем жизнь, сами не зная того.

Не оставляй обид безнаказанными, ибо призывающие прощать делятся трусостью, – око за око, зуб за зуб.

Не ищи в людях сострадания, ибо не найдешь его.

Дознайся причин желаний своих, ибо лишь глупец не понимает себя, а у умного нет подсознания.

Познав же это – встань и иди!

Орган звучал, цвета прожекторов менялись как в калейдоскопе; гордо повернувшись к зрителям, девушки сбросили балахоны, оставшись обнаженными, после новой вспышки площадку вновь пересекли клубы дыма, в руках говорившего оказалась статуэтка распятого дракона, крылья его были прибиты к кресту.

Глаза присутствовавших, до того без благоговения, но с интересом слушавших говорившего, были прикованы к зрелищу, в такт музыке, под разноцветными лучами прожекторов, девушки продолжали увлеченные движения. Одна из

них, темно-русая, со стройным, гибким телом, казалось, целиком была погружена в ритуал, стараясь, как в художественной гимнастике, все делать максимально четко и правильно; другая, коротко стриженная шатенка, чуть более порывистая, словно одухотворенная в движениях, все делала, не сводя ждущего взгляда с проповедника, в каждом жесте ее сквозили серьезность и непритворная вера в происходящее. С каким-то чувством оцепенелой отстраненной грусти Вадим наблюдал за ними. Да, женская преданность, подумал он. Юношеская, страстная женская преданность, та самая, что вкладывала им в руки бомбы народовольцев или кинжал, убивший Марата, вот она здесь, как на ладони. У этой, второй, наверно, даже ничего нет с этим парнем, возможно, она тайно влюблена в него, но не хочет себе в этом признаться, не хочет дать воли этому чувству, чтобы не опозлить, не помешать тому главному, что исходит от него, к чему она, как это видно, относится так серьезно. И ведь не важно, что от него исходит, они верят ему, они жаждут верить, они готовы на все. С таким же успехом он мог бы сгношить их на съемки в порнофильме, так же убедительно и страстно доказав, что то, чем он занимается, есть высокое искусство, – и влюбленное сердце услышало бы и ринулось во все это со всем жаром молодости, ничего не прося взамен. Господи, на какую только гнусность не способны чертовы мужчины – все эти микросаванаролы и микронаполеончики, прекрасно знающие, что не смогут добиться власти среди таких же, как они, мужчин, и

стремящиеся стать самыми сильными среди самых слабых. И ничего не поделаешь. И глупо вмешиваться, и ничего не поправишь.

Ритуал между тем продолжался. Взяв кувшин, человек в балахоне смочил из него губку, поднеся ее затем к губам каждой из девушек; одна из них легла на покрытое алым бархатом некое подобие наклонного топчана, вторая с кувшином в руках стала над ней; взяв распятие с драконом, человек поднял его над головой, площадку вновь озарила вспышка, все заволочло дымом, голос из динамиков возгласил: «*Vexilla regis prodeunt inferni!*»¹, однако в этот момент в течение церемонии вмешались посторонние звуки.

Словно в противоположность сказанному, дверь над лестницей с треском распахнулась, в проеме ее показалось несколько человек, тащивших с собою огромный необструганый деревянный крест. С треском и криками вся эта компания и последовавшие за ними человек двадцать скатились по лестнице; уткнув крест в пол, возглавлявший толпу коротко стриженный человек в прыгавших на носу очках и туристском свитере, воздев руку над головой, возопил: «По лжи ходите! Ложью глаголете!», музыка выключилась, а внезапно выскочивший из-за его спины толстяк в подпоясанной веревкой рубахе окатил сидящих за передними столами водой из трехлитровой банки.

Краем глаза отметив, что ни проповедника, ни девушек на

¹ Вот близятся знамена царя Ада (*лат.*) – Данте, «Ад», песнь 34.

площадке уже не было, Вадим с интересом наблюдал происходящее. Притянув к себе крест и тыкая указательным перстом в воздух, человек в очках затянул обличительную речь, сидящие за столиками вяло отругивались. Выдвинувшиеся на передний план несколько молодцов недружелюбного вида потребовали у присутствующих предъявить документы, сидевшие за столиками с недовольством, но без особого удивления полезли в портмоне и сумки.

Обстановка меж тем накалялась: нескольких посетителей, вскочивших и попытавшихся вырваться, тут же решительно водворили на место, следом вскочили другие, началась перебранка со взаимными пиханиями в грудь, стоявшие за спинами обличителей дюжие парни в готовности придвинулись ближе. Раздался звон стекла и треск перевернутых столов, в дальнем углу зала началась драка, завизжали женщины, численный перевес был на стороне посетителей, но физподготовка и выучка – на стороне вломившихся, в руках многих из них показались бейсбольные биты, в движениях был виден явный настрой никого не выпускать, на поясе у одного из только что проверявших документы Вадим вдруг заметил блеснувшую связку наручников.

Фронт драки приближался к столику Вадима, неожиданно отвлеченный звуками, доносившимися откуда-то издали и сверху, он поднял голову – несколько человек, взлетев по лестнице, схватили попытавшуюся убежать девушку – поднявшись на ступеньку выше и загородив ей путь, они пыта-

лись столкнуть ее вниз. Что-то абсурдное было в этой сцене – и в самой девушке, одетой в цветное короткое, словно детское платьице, которое Вадим с первого взгляда принял за ночную рубашку, и в ее внешности, одновременно и сочетающейся, и контрастировавшей с этим нарядом, – золотистые волосы, лицо, в котором чувственность странно сочеталась с детскостью, и какая-то необычная фигура – большая налитая грудь, при этом довольно узкие бедра, и неожиданно полные, круглые икры, и ноги с высоким подъемом, в туфлях на шпильках. Ухватившись за перила и отмахиваясь сумочкой, она что-то страстно, со вскриками пыталась втолковать двум массивным амбалам, со слоновой тупостью нависавшим над ней; то ли не слыша, то ли не понимая, амбалы одутловато спускались по ступеням, пихая и оттесняя ее.

Достав из-под кресла портфель с материалами и невольно усмехнувшись тому, насколько дико, наверно, выглядит человек, идущий драться с портфелем в руке, Вадим, мгновение подумав, вытащил из портфеля первую попавшуюся бумагу; демонстративно держа ее перед собой примерно тем жестом, которым в известных документальных кадрах Чемберлен показывал журналистам Мюнхенский договор, он неторопливо обогнул стол. Люди, занятые дракой, вряд ли позволят себе отвлечься, чтобы задержать идущего куда-то непонятного человека с портфелем и бумагой в руке, похожего на адвоката, готовящегося кому-то зачитать права, – двое или трое погромщиков, обернувшихся в сторону

Вадима, пока он пересекал зал, на мгновение скользнув по нему непонимающими взглядами, отвернулись.

Подойдя к лестнице и бросив бумагу, Вадим быстро взлетел по ступенькам, портфель мешал страшно; криво пристроив его на ступеньке и схватив за щиколотки одного из амбалов, он изо всех сил дернул, рискуя сам слететь с лестницы, – хлопнувшись затылком об угол ступеньки, тот на мгновение отключился, зарывавший второй повернулся к Вадиму; ухватив его за полу куртки и держась за балясину, Вадим дернул его на себя; замахав руками в поисках опоры, тот сверзнулся по лестнице; подобрав портфель и схватив девушку за руку, Вадим потащил ее вверх к выходу. Сзади слышался рев пришедших в себя амбалов, наверху, пнув дверь, Вадим пропустил девушку вперед; вылетев на улицу, они побежали к проезжей части, девушка двигалась, спотыкаясь – она потеряла туфлю, из распахнувшейся двери выскочили трое или четверо погромщиков; вскинув руку, Вадим остановил единственную на дороге машину. С готовностью приоткрывший дверь водитель, наклонившись, понятиливо взглянул из пахнувшего бензином салона.

– Куда?

– На вокзал.

– Сколько?

– Тысяча рублей.

Сделав приглашающий жест, водитель взялся за руль. Хлопнув дверьми, они рванули с места, на секунду опередив

подбежавших амбалов.

Квартал остался позади, машина набрала ход, в салоне было почти комфортно и вообще замечательно: нежно звучала музыка, пахло благовониями, мимо проплывали освещенные витрины. В зеркале сияло довольное лицо водителя. Смирно сидя на заднем сиденье, озабоченно взглянув в заднее стекло, девушка со скромным интересом повернулась к Вадиму.

– Скажите, пожалуйста, а можно вернуться назад за моей туфлей?

Вадим мельком покосился на нее.

– Можно. Если перед этим зайти в оружейный магазин. Так что лучше в обувной.

Сложив руки на коленях, девушка с достоинством потупила глаза.

– Боюсь, мне будет трудно чем-то их обрадовать.

– Ничего, я это возьму на себя.

Девушка немного церемонно взглянула на него.

– Вы хотите мне купить новые туфли?

– Ну не ходить же вам босиком. Или вы против?

– Я не против, я даже знаю одну мастерскую, где можно купить подходящие туфли, но это далеко, – у вас есть время?

– Какую мастерскую?

– Мастерскую по ремонту обуви.

– А это обязательно – покупать туфли в мастерской по ремонту? Обувной магазин не подойдет?

– Обувной магазин подойдет, конечно, но это очень дорого.

– Ничего, думаю, я смогу это пережить.

Девушка оглянулась.

– Тогда это в двух кварталах отсюда, а там надо завернуть налево.

Взглянув в окно, Вадим кивнул шоферу.

– В двух кварталах отсюда – налево, и там остановите.

– А тысяча рублей? – спросил шофер.

– В силе.

Они проехали квартал.

Девушка как-то манерно покосилась на него.

– Вы, наверное, приезжий?

– А что, заметно?

– Просто у вас так много денег. И к тому же вы хотели ехать на вокзал. Вы не опоздаете?

– Мне не нужно на вокзал, я только что сюда приехал.

– А почему же вы сказали ехать на вокзал?

– Просто для скорости, чтобы минимизировать общение с водителем. В любом городе есть вокзал.

– Да, даже у нас есть. Только он закрыт.

– Ну вот, видите, как все удачно складывается.

Они подъехали к магазину.

Выступавший из тьмы светящийся стеклянный куб казался чем-то инопланетным на безлюдной улице, сквозь бесшумно раздвинувшиеся стеклянные двери они вошли в за-

ставленный разноцветной обувью пустой зал, две продавщицы одиноко маячили где-то в глубине. Оставив девушку бродить среди полок, Вадим вышел на улицу.

Безлюдно и тихо. На другой стороне улицы симметричным отражением светился стеклянный куб пустого мебельного салона, в темноте блеснул красный огонек уезжающей машины, в тишине было слышно, как пощелкивает, переключаясь, светофор. Вызвать ей такси, подумал Вадим, должен же быть у нее пейджер, если только помощник не соврал – или нет, кто это мне говорил про пейджеры – водитель. Ну да все равно.

Постояв пару минут, он вернулся; терпеливо ожидая его, девушка стояла у полки, словно в некоторой волнительной задумчивости.

– Ну что, есть туфли?

– Есть, только очень дорогие, боюсь, вам будет обременительно тратить такие деньги.

– Что значит «дорогие»?

– Восемь тысяч.

Вадим мгновенье смотрел на нее.

– Каждая по отдельности или обе вместе?

– Обе вместе.

– Это обнадеживает.

Оплатив на кассе туфли, он подождал, пока она их наденет, вместе они вышли на улицу. Все так же церемонно, но, как показалось Вадиму, одновременно все же с некоторым

чувством, девушка повернулась к нему.

– Большое вам спасибо за туфли. И спасибо за то, что вы меня спасли.

– Ничего, одно пойдет в дополнение к другому.

– В общем-то, я не собиралась там засиживаться, хотела сбежать пораньше, как-то никто не думал, что такое может произойти.

– Ну, в общем, так оно и получилось. Вы сбежали.

– Ну да.

Вадим оглянулся.

– Тут какой-нибудь общественный транспорт ходит?

– Ходит. Только очень редко.

– Давайте я вас отправлю на такси. У вас же есть пейджер?

– Спасибо. Да, конечно.

Девушка полезла в сумочку. Порывшись, она всплеснула руками.

– Боже. О, нет. Я же отдала его Черемисиной.

– Это фатально?

– Боюсь, что да. Это значит, что до завтра я его назад не получу.

Вадим понимающе кивнул.

– А Черемисина меньше чем сутки пейджеры не держит?

– Нет, просто она забыла свой и взяла у меня. Вы ее видели, она сейчас выступала в кафе.

– Адептка Сатаны? Да, такая не отдаст.

– Никакая она не адептка, просто вечно спутывается не с

теми, с кем надо.

– Что ж, такое случается со многими.

– Случается, только с ней постоянно.

– Что посоветуете делать?

– Ну, давайте подождем, должен же проехать кто-нибудь.

Они пошли по улице.

– Как же вы передвигаетесь? – спросила девушка. – Вам же, наверно, тут трудно без машины.

– Приехал на машине, но она уже уехала обратно в Москву. Я тут ненадолго, в этом городе. Приехал по делу.

Девушка подумала.

– «Приехал по делу» – это прямо как из какой-то русской повести девятнадцатого века.

Оценив замечание, Вадим невольно усмехнулся, как-то по-новому посмотрев на нее.

– Да, это довольно точно. Из Москвы, по делу, в уездном городе. Но мертвых душ не скупаю.

– Жаль, а то их тут множество.

– Можете уступить по дешевке?

– У меня другая профессия.

– А чем вы занимаетесь?

– Я закройщица в мастерской по ремонту одежды.

Вадим с недоверием покосился на нее.

– Что-то вы не очень похожи на закройщицу.

Явно чем-то довольная, девушка ответила ему задорным взглядом.

– А вы знали многих закройщиц?

В тон ей Вадим с ученым видом покивал.

– Да, порой у нас бытуют совершенно ложные представления о профессиях.

Словно вникая в положение, он серьезно посмотрел на нее.

– Наверно, женщине надо многое пережить в жизни, чтоб стать закройщицей?

Девушка прыснула.

– Вы попали в точку. Конечно, я не всегда работала закройщицей.

– А кем еще?

– Да много кем. Когда-то давно работала даже в модельном агентстве, в Железногорск-Илимске.

– Кем, моделью?

Девушка, опустив глаза, улыбнулась.

– Вы очень милы. Нет, администратором.

– Что ж, приятно, что все это не помешало вам так хорошо знать русскую классику.

Девушка с улыбкой опустила глаза.

– Просто я сейчас живу в таком месте, где очень много русской классической литературы – прямо в таких длинных шкафах. Так что я пользуюсь – прихожу с работы и все это читаю. Недавно прочла «Тысячу душ» Писемского, а сейчас читаю Лескова – «Соборяне».

Вадим впечатленно крутанул головой.

– Где же это такое замечательное место, где люди так замечательно проводят время. В иной ситуации я бы сам туда переселился.

– Да нет, просто... – девушка живо бросила взгляд на Вадима. – Вы не подумайте чего плохого... Просто я сейчас живу в чужой квартире.

– В смысле... Снимаете?

– Нет, как бы вам это... Просто вы не знаете. У нас же много людей разъехалось. Ну и квартиры пустые, а их же ни продать, ни сдать не получается, ну и люди стали понемногу занимать их – все равно же никто не живет.

– Самозахватом?

– Ну почему захватом – просто многим не хочется жить с родителями, кому-то так ближе на работу, и к тому же мы же ничего плохого не делаем – не мусорим, живем в чистоте, чужих вещей не распродаем – я даже знаю случаи, когда хозяева знают, что в их квартире кто-то живет, – и не возражают.

– А если заселятся какие-нибудь специфические друзья – из дружественных или не очень дружественных республик?

– Не заселятся, у нас их нет. – Девушка оживленно взглянула на Вадима. – У нас дом, построенный еще в тридцатых годах каким-то авангардным архитектором – ну, типа, для людей будущего, там все квартиры в линию, все выходят в такой длинный коридор, и через каждые три квартиры общая площадка, с диванами, креслами, чтобы все могли со-

бираться и общаться.

– И что, общаетесь?

– Мы только там и пропадаем. На самом деле действительно очень удобно.

Вадим вздохнул.

– Что ж, рад, что вам так хорошо живется. Кстати, каких-нибудь гостиниц в городе не знаете?

Девушка удивленно распахнула глаза.

– А вам негде жить?

– Как это ни странно. Ткнулся было, но выяснилось, что все гостиницы позакрывались.

– Ну да, к нам же в общем-то никто не ездит. – Девушка подумала. – Хотя нет, по-моему, еще есть одна. Называется «Шангри Ла».

Вадим знающе кивнул.

– Уже нет. Захвачена кришнаитами-постмодернистами.

– Тогда не знаю.

– Ясно.

С вновь возвращенной церемонностью, смешанной, впрочем, с затаенной улыбкой, девушка взглянула на Вадима.

– Мне, конечно, очень неловко... Но если так, то вы вполне можете пожить у нас.

– А есть место?

– Свободных квартир хватает. Рядом со мной свободная однокомнатная, и еще есть.

Раздумывая, Вадим посмотрел вдаль. Впереди, на пере-

крестке в темноте, засветились фары машины. Словно секунду поколебавшись, она свернула в боковую улицу. Почему бы нет, подумал он, что ты там рассуждал о частном секторе – ну так вот он.

– А я вас не стесню?

– Находясь в другой квартире? – Девушка улыбнулась. – Даже интересно, как вы себе это представляете.

Как по заказу, рядом с ними остановилась машина.

– Ладно, согласен. – Наклоняясь к опускающемуся стеклу, Вадим обернулся к девушке. – Какой адрес?

– Первостроителей, шестнадцать.

Усевшись, они понеслись по черным улицам.

Несколько раз свернув в темноте, они выехали на проспект; наклонившись к водителю, девушка показала ему, где остановиться. Выбравшись из машины, Вадим на секунду задержался, рассматривая подсвеченное тусклыми фонарями здание – носящее на себе следы противостояния конструктивизма и классицизма, длинным массивным кораблем оно возвышалось над улицей. Войдя в один из многочисленных подъездов, они поднялись на третий этаж, за тяжелой металлической дверью открылся длинный, уходящий в перспективу коридор, вдоль стены тянулись стеллажи с книгами. Пройдя вперед по коридору, девушка сняла с гвоздя висевшие около двери ключи и открыла дверь.

– Вот, пожалуйста. Я, конечно, не знаю, к чему вы приехали...

Войдя вслед за ней, Вадим оглядел комнату со стандартной советской мебелью, заглянув за угол, он проверил наличие ванной.

– Платить что-нибудь надо? – на всякий случай спросил он.

С тонкой улыбкой опустив глаза, девушка секунду подумала.

– Можете купить для Ирины корм для кота. А то ей зарплату задерживают, мы все ей по очереди покупаем.

– А что он ест?

– Он... все время забываю, такие пакетики... Увидите – спросите.

– У кого, у кота?

– Нет, у Ирины. Вы еще всех увидите.

– Понятно. Как зовут кота?

– Прохор.

Кивнув, вдруг поняв, что ведет себя бестактно, он поспешно повернулся к девушке.

– Простите, а вас как зовут?

– Аля.

– Я Вадим.

– Очень приятно.

– Взаимно.

Секунду он поколебался, не уверенный, не обидит ли ее его шутка.

– А для вас какой-нибудь корм купить?

Девушка улыбнулась.

– Не надо. Вы сегодня уже достаточно купили.

– Хорошо.

– До встречи.

Дверь за ней закрылась, Вадим опустился на кровать.

Один. Еще раз оглядев комнату, подтянув к себе кейс и достав папку с документами, он, мгновенье поглядев на нее, отложил ее в сторону. Позже, подумал он. Не сейчас, позже, когда я буду не такой бессмысленно бодрый, как сейчас, когда отупею чувствами, когда буду готов воспринимать все это, ближе к ночи. Звучит глупо, здесь всегда ночь, но позже, когда мои собственные биологические часы покажут ночь. Когда от чтения всего этого меня начнет клонить ко сну. А сейчас... Не быть одному. Ни минуты не быть одному. И быть общительным. Со всеми вступать в диалог и со всеми разговаривать. Что она там говорила про какие-то площадки для общения? Вот пойду сейчас туда и буду общаться. И горе тому, кто встанет на моем пути.

Вновь открыв кейс, он достал и разложил те немногие вещи, которые у него с собой были; проходя мимо полки с книгами, он на мгновенье остановился у нее.

Собрание сочинений Мельникова-Печерского, подшивка журналов «Химия и жизнь» за 1968 год, книга Г. Облыжного «Маоизм – опасность для человечества», «Винни-Пух», сборник «Ленин и шахматы» (Вадим заглянул в книгу, нет ли там записей партий вождя, но таковых не оказалось),

двухтомник «Записки аквалангиста» (из серии «Свидетели великой эпохи»), брошюра «Скажи наркотикам „нет“», сборник издательства Высшей школы экономики «Инвестиционные перспективы Российской Федерации», «Томек у истоков Амазонки», «Томек в стране кенгуру»... Альтернативы общению не было. Поправив покрывало на кровати и бросив ключ на стол (каким-то сверхчувствительным прозрением он понял, что дверей здесь не запирают), он вышел в коридор.

Книжные полки тянулись вдоль стены. Заставленные разнообразными собраниями сочинений, в том числе и русских классиков, включая второстепенных (краем глаза он заметил фундаментально-многотомные дореволюционные издания Якова Буткова и Атавы-Терпигорева), местами они заметно прогибались под тяжестью вросших в них томов. Преодолев секундное искушение остановиться и рассмотреть их поподробнее (с усмешкой подумав, что в этом случае он, как черепаха в апории Зенона, точно никуда не дойдет), он, отвернувшись от стеллажей и быстро миновав несколько дверей квартир, вышел на обещанную девушкой площадку.

Сидевшие на толстом ковре среди разбросанных подушек рядом с низеньким журнальным столиком худощавый сидящий мужчина лет пятидесяти и две девушки – как на подбор, худенькая и по-кустодиевски яркая – с любопытством обернулись в его сторону.

Поставив чашку с чаем на столик, мужчина с улыбкой,

изображавшей живейшую радость и удовлетворение, вновь обратился к Вадиму.

– А вот, по всей видимости, и наш новый постоялец.

На ходу ответно проникаясь светскостью, Вадим сдержанно поклонился.

– Надеюсь, постояльцу не возбраняется временно влиться в сложившийся здесь социум и... гм... – Он оглядел заваленный подушками ковер в поиске свободного места. Освобождая место, худенькая девушка быстро отбросила подушки. – ...и сделаться сидельцем.

– Чур меня, – акцентированно осенив себя крестным знаменем, Вадим опустился на ковер. – Знаете, крайне желательно было бы оформить эту мысль каким-то иным образом.

Мужчина понимающе улыбнулся.

– Судя по живости последней реплики, наш гость определенно принадлежит к миру бизнеса.

Подбирая под себя ноги, Вадим со вздохом кивнул.

– Определенней, чем иногда хотелось бы.

– Давно замечено, – тоном лектора произнес мужчина, – что представители бизнеса крайне аффектативно относятся к глаголу «сидеть» во всех его формах.

– И имеют на это основания, – продолжил Вадим. – Но в общем-то дело не в глаголе.

– Не сомневаюсь, не сомневаюсь. Хотя слова важны, в чем я сейчас настойчиво пытался убедить этих молодых леди.

– На примерах из русской классики, – с быстрым смешком сказала худенькая, – которую, как оказывается, мы так и не знаем.

– Даже обидно, – подхватила вторая девушка. – А мы, между прочим, честно всё читали.

Мужчина с утонченной улыбкой цепко взглянул на нее.

– Так «честно» или «между прочим»?

Девушка рассмеялась.

– Ну вот, так вы всегда.

Вадим задумчиво взглянул на мужчину.

– Кажется, я прервал что-то очень интересное.

С некоторой прохладцей взглянув в пространство, мужчина покачал головой.

– Разве что с точки зрения типичности данного явления.

– Тем не менее был бы крайне признателен вам, если бы вы изложили, так сказать, краткое содержание предыдущих серий.

– Ну, предыдущих серий, собственно, и не было – хотя, когда речь идет о классике, наибольшая концентрация смыслов наблюдается как раз в точке столкновения прошлого и будущего.

Он на секунду задумался.

– Проблема классики в том, что ее никто не понимает. Причем это состояние не временное, а постоянное, переходящее от эпохи к эпохе, разница только в специфике этого непонимания, в особенностях этих, так сказать, симулякров,

каждый из которых несет на себе черты своей эпохи и сам по себе, в сущности, ничего не значит. Что же касается самой классики, то роль ее в общем-то достаточно трагична или, по крайней мере, абсурдна – это как посмотреть – поскольку она, по сути, выступает в виде некоего антисимулякра – то есть вещи, которая реально существует, на которую все смотрят и которую никто не видит.

– Какую именно сторону абсурда вы имеете в виду?

– Элементарнейшую, и в общем-то известную всякому – вы знаете эту книгу, вам пересказывали ее содержание в школе, причем много раз, так что цитаты из нее уже лезут у вас из ушей, вы сами можете пересказать ее кому угодно, вы – позволим себе такое допущение – даже прочитали ее, и более того, в более зрелом возрасте, когда некоторые склонны пересматривать свою систему ценностей, вы прочитали ее вторично и внезапно обнаружили, что она вовсе не так противна и тягостна, как вам казалось, и даже наоборот, весьма осмысленна и полна достоинств, вы влюбились в эту книгу, вы кладете ее под подушку, вы с ней засыпаете и просыпаетесь, вы перечитывали ее сотни и сотни раз – и при этом абсолютно, категорически, бесповоротно вы ни черта в ней не понимаете. И с этим ничего нельзя поделать.

Вадим с деликатной улыбкой осторожно покосился на мужчину.

– Звучит эффектно, но не является ли это высказывание еще одним симулякром?

– Вы думаете? А между тем через минуту вы со мной согласитесь.

– Прошу вас.

– Прекрасно. Обратимся, в качестве примера, к какому-нибудь общеизвестному классическому произведению, не слишком большому, чтобы в нем не утонуть, но вместе с тем не чисто лирическому, хоть как-то нагруженному общественными смыслами – ну хотя бы к известнейшей истории о Левше и подкованной блохе – надеюсь, вы помните сюжет?

– Лескова? Конечно.

– Сделайте одолжение, перескажите его.

– Извольте. Государь император, восхищенный изделием британских мастеров – микроскопической танцующей блохой, сожалеет, что в его стране нет ничего подобного, придворные наперебой убеждают его, что превзойти английское изделие невозможно, царь-патриот, не желая в это верить, поручает тульским мастерам – через Платова – британское изделие превзойти, те долго что-то куют и мастерят в своей избушке, наконец, предъявляют результат, никаких изменений не заметно, видно только, что блоха перестала танцевать, разъяренный Платов тащит одного из мастеров к государю, тот смотрит на блоху в микроскоп, и тут выясняется, что тульские мастера эту блоху подковали. Всеобщий восторг, Англия посрамлена, Левшу посылают в Англию продемонстрировать свое произведение, его там с почетом принимают, восхищаются, он едет назад, по дороге на корабле спи-

вается, а поскольку чиновники забыли выправить ему документы, умирает без паспорта то ли в больнице для бедных, то ли в ночлежке. Вот, собственно, и все.

– Превосходно. То есть все это, конечно, печально, но простой вопрос – о чем это произведение?

– Ну... о могучем творческом таланте народа, способном превзойти любые иностранные достижения, о его огромном скрытом потенциале, о неумении начальства его ценить, из-за которого этот талант погибает, о необходимости что-то сделать, изменить во внутреннем устройстве страны, чтобы этот талант высвободился, засиял и мог проявить себя в полной мере.

– Прекрасно. Абсолютно каноническое толкование. Все прямолинейно и просто, как отрывок из азбуки. А теперь, для разнообразия, зададимся предельно простым вопросом. Скажите, ведь если эта блоха действительно танцевала, то для этого внутри у нее – к примеру, в коленных суставах – в огромном количестве должны быть различные механические элементы – шестеренки, оси, шкивы, тяги – на порядок более миниатюрные, чем даже самый мелкий из гвоздей, что вбили ей в копыта эти тульские мастера. Не так ли?

Вадим на секунду задумался.

– Пожалуй. А если учесть зубчатые передачи и подшипники, без которых невозможна длительная работа поворотных частей, то, может быть, и на два порядка.

– То есть что получается – они никого не превзошли, они

просто испортили вещь, ведь после их процедуры блоха танцевать перестала.

– Гм... получается так.

– То есть – назовем все своими именами – ничего не понимая в устройстве, не понимая принципов его работы, они варварски вмешались в него, попутно лишив его главного, наиболее ценного свойства – кому интересна нетанцующая блоха – и, не осознав даже этого, посчитали дело сделанным, а иностранное устройство превзойденным. Так?

– Так.

– Причем – и это здесь самое интересное – этого никто не понимает. Ни Платов, ни царь, ни придворные – среди которых наверняка масса прозападно настроенных – никому из них и в голову не приходит задаться этим простейшим вопросом, которым только что задались мы, и все искренне полагают – пусть даже с сожалением – иностранное устройство превзойденным. То есть руководство страны, которое, глядя на народ сверху вниз, самодовольно считая себя несравненно более просвещенным и культурным, чем руководимый им народ, в духовном смысле ощущая себя скорее частью Запада, а не России, на деле проявляет точно такое же варварство, само себя не осознающее.

– В ментальном смысле руководство – плоть от плоти народа.

– Безусловно. Прекрасно, пойдём дальше, заметив, кстати, что каноническая трактовка этого произведения на этой

стадии уже с треском рухнула, говорить о творческом потенциале народа в свете сказанного, согласитесь, как-то не очень уместно, ну да ладно, к этому мы еще вернемся позднее. История между тем продолжается. Дальше самое интересное – эту блоху везут в Англию – под гром барабанов, с развернутыми знаменами, как доказательство превосходства российских технологий. Англичане – в восторге. Зная природный юмор англичан, можно себе представить, что они думали, глядя на эту блоху и преисполненных сознания собственной значимости российских представителей, и какое утонченное удовольствие испытывали, расточая по-английски вежливые комплименты Левше и его спутникам, причем удовольствие, прямо скажем, как эстетическое, так и политическое.

– Ради бога, остановитесь.

– Дальше... ну хорошо, щадя наши с вами национальные чувства, продолжать не буду.

– Крайне вам признателен.

Вадим мгновенья подумал.

– Между прочим – о самом страшном, что связано с этим произведением, вы так и не сказали. И знаете, в чем оно? В том, что та простая мысль, о которой вы говорили, не приходит в голову не только Левше и тульским мастерам, не только царю и придворным, но и миллионам читателей – ни в девятнадцатом веке, ни в двадцатом, ни в двадцать первом.

– А вот тут вы, безусловно, правы.

Мужчина остро взглянул на Вадима.

– Итак, о чем это произведение?

Вадим отмахнулся.

– В первом приближении понятно – о глубинном мистицизме русского народа, о каком-то особом отношении к тому, что приходит с Запада и о всем таком прочем. Вы мне лучше другое скажите – как по-вашему – сам Лесков-то все это понимал?

– А, по-вашему, это имеет какое-то значение?

– Гм... по-моему, основополагающее, ведь это показывает глубину его замысла, а опосредованно – и глубину его личности, знаете, если он действительно имел в виду все то, о чем вы говорили, то это такой гений, о котором даже и подумать как-то страшно.

– Возможно, и все же обратите внимание на нечто куда более важное – каждое поколение не понимает классику по-своему, причем объектом непонимания является именно то, что для данного поколения актуальней всего, – проявлением этого системного правила данная история и является.

– Ну не будете же вы утверждать, что каждое классическое произведение имеет такую же загадку и такое же двойное дно, выворачивающее его понимание буквально наизнанку – все-таки «Левша» – достаточно специфическое произведение.

– Ну почему же, именно это я и утверждаю.

– То есть что, я назову вам любое классическое произведение, и вы тут же, не сходя с места, докажете, что смысл его

противоположен тому, что существует во всеобщем мнении?

– Ну разумеется.

– Ну, не знаю... «Война и мир».

– Не надо. Если мы начнем перечислять, чего мы не понимаем в «Войне и мире», то на это уйдет объем текста, многократно превышающий саму «Войну и мир». Назовите произведение более скромных размеров.

– Ну... хорошо – «Евгений Онегин».

– Прекрасно. Еще одно произведение, изученное вдоль и поперек и тем не менее вызывающее у многих самое искреннее восхищение, произведение абсолютно знакомое и известное, абсолютно без белых пятен, понятное и ясное до последней буквы. И тем не менее, если вы мне позволите, маленький вопрос – а чем заканчивается «Евгений Онегин»?

– Ну, как чем... Тем, что Татьяна ему отказала.

– Не соблаговолите ли уточнить – как именно она это сделала?

– В смысле – процитировать?

– Это я могу, я, – худенькая девушка, весело подняв руку, живо подалась к мужчине. – Я помню, мы это в школе проходили. Можно?

– Прошу вас.

– Так вот: Онегин ей признался, и она действительно ему отказала. Вот:

Но я другому отдана,

И буду век ему верна.

- Я так и думал. – Мужчина сокрушенно покачал головой. – Вы знаете, должен вас огорчить – у Пушкина этого нет.
- Как нет?
- Так, нет. У Пушкина написано нечто другое:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

– Вроде бы различие в одной букве, но, если присмотреться, между этими фразами огромная разница. Если в первом варианте – если бы, конечно, он был у Пушкина – сказано как отрезано, то во втором, настоящем, согласитесь, присутствует как бы некая демонстративность. Этим повторным «я» она как бы выпячивается, декларирует свой отказ – прислушайтесь, не находите? А демонстративность на то и демонстративность, что она не соответствует содержанию. Вам не кажется?

Мысленно проверив, Вадим непонимающе пожал плечом.

- Согласен, некоторая нарочитость есть – ну а что это значит? Вы что, хотите сказать, что она ответила ему согласием?
- Вот. А теперь спокойно и внимательно рассмотрим всю ситуацию. Не буду утомлять вас цитатами, но вкратце всю сцену можно разделить на несколько эпизодов. Вы их легко вспомните. Итак, сначала Онегин входит и, к своему изумлению, видит Татьяну без всякого светского лоска и без вся-

кой маски, во всей естественности чувств:

Княгиня перед ним одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слезы льет рекой,
Опершись на руку щекой.

– Далее, после долгого молчания Татьяна объясняется с ним – сначала она вспоминает свой ужас, когда Онегин ответил холодной отповедью на ее любовное письмо, хотя, впрочем, признает, что в чем-то он был прав:

...в тот страшный час
Вы поступили благородно.
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой.

– Дальше – важно! – следует довольно неожиданный и острый упрек – а не потому ли вы сейчас вдруг воспламенились чувством ко мне, что тогда я была скромной деревенской девушкой, а сейчас я – жена заслуженного генерала, богата, занимаю видное положение в свете, близка ко двору – так нет ли за вашими чувствами обычного мелкого тщеславия, желания пополнить свой донжуанский список громкой победой, так неужели вы не понимаете, как это обидно для меня, да и как вы сами могли опуститься до такого?

Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

– Далее в слезах она признается ему, что, не колеблясь, променяла бы всю светскую мишуру и блеск, да и вообще всю постылую ей жизнь на простоту прежней деревенской жизни, жалеет об упущенном счастье с Онегиным – «А счастье было так возможно...», жалеет о том, что уступила мольбам матери и вышла замуж, наконец, прямо признается Онегину в любви – «Я вас люблю (к чему лукавить?)» – и, наконец, произносит ту самую, неверно процитированную вами фразу. Прекрасно. Вот здесь две девушки. Простой вопрос: вас преследует некий давно известный вам и отнюдь не безразличный вам поклонник. Что у вас было раньше, другое дело, но вы для себя уже все решили, и сейчас у вас есть только одно желание – чтоб он ушел и больше в вашей жизни не появлялся. Что вы сделаете – в нескольких кратких, но предельно ясных фразах скажете ему, чтоб он ушел и больше не возвращался, или пуститесь в длительные излияния, в слезливые воспоминания, в жалобы на несчастную жизнь, наконец, прямо признаетесь ему в любви и только после этого попросите вас оставить?

– Ну разумеется первое.

– Но ведь это не просто поклонник, это тот мужчина, к которому вы равнодушны, которого вы любите...

– Тем более! – почти хором чуть не прокричали девушки.

– Замечательно. Именно это и есть образ действий, естественный для сильной, обладающей достоинством женщины. Между тем, что же делает Татьяна?

А мне, Онегин, пышность эта
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, встретила я вас...

– Что это? Вот вы, женщины – дайте объяснение.

Мгновенье помедлив, худенькая девушка, опережая другую, в напряженном раздумье подняла глаза на мужчину.

– *Чтоб так говорить, надо что-то иметь в виду.*

– Возможно. Ну, то есть не обязательно осознанно, не обязательно продуманно, но нет ли у вас ощущения, что, говоря с ним таким образом, желая того или нет, осознавая это или нет, она как будто на что-то намекает, как будто подспудно его к чему-то подталкивает? Ладно, все это пока не важно, отметим это и посмотрим, что случилось после – когда Та-

тьяна ушла и «стоит Евгений, как будто громом поражен». Вспомните:

Но шпор внезапный звон раздался
И муж Татьянин показался...

– Итак: «звон шпор». Муж Татьяны – генерал. Генералы по дому в шпорах не ходят. Ну, то есть в шпорах по дому никто не ходит, но для генерала вообще быть в сапогах со шпорами – не такая уж частая вещь. Просто потому, что генералы не так уж часто ездят верхом. Генерал может быть в шпорах – на учениях, на высочайшем смотре, но после этого он переобувается и, как и все, едет домой в коляске. И уж тем более он не врывается в шпорах в комнату к жене – ведь действие происходит у нее в комнате, практически в ее будуаре – так что могло его заставить так поступить? Причина может быть только одна – находясь в шпорах на учениях или на конной прогулке, он получил какое-то известие – возможно, какое-то письмо, и содержание этого письма было таким, что он, забыв про все на свете, очертя голову, ринулся верхом к себе домой и, спрыгнув с коня, бросился как был, в сапогах со шпорами, в комнату к своей жене. И вот в этой комнате Онегин – в свете только что произошедшего объяснения с Татьяной, всего, что она ему сказала, надеюсь, вы понимаете, что все это значит для него?

Вадим, хмурясь, медленно поднял глаза на мужчину.

– Погодите... Да не хотите ли вы сказать, что...

– Да у него на носу вторая дуэль – неужели не ясно? И в свете этого, неужели вы не понимаете, какое значение приобретают все только что произнесенные Татьяной слова, все ее признания, все излияния? И, главное, то, что все они были произнесены именно сейчас, в этот момент? Вы что, не понимаете, что все, что она говорила Онегину – вне зависимости от ее осознаваемых намерений и желаний, – это *призыв о помощи*? Она же прямо говорит ему: моя жизнь – кошмар, любовной интрижки с тобой я не приму, единственное препятствие – мое замужество, подспудно здесь: решай сам, ничего тебе не подсказываю, тем более, ни о чем тебя не прошу, выбор за тобой. Надо понимать – перед нами поведение доведенной до отчаяния женщины. И что в нем невероятно, что абсурдного?

На секунду задумавшись, словно сбрасывая наваждение, Вадим решительно поморщился.

– Ну, бросьте – не может же Татьяна так вот намекать Онегину – вызови на дуэль и убей моего мужа. Бред какой-то и пошлость несусветная.

– Не может. Но важно в данном случае не то, что она говорит, и даже не то, что она имеет в виду, а как *он* это воспринимает. Примерьте ситуацию на себя. Вы – сильный, взрослый мужчина. Вам женщина, которую вы любите, прямо говорит: я живу с нелюбимым человеком, моя жизнь – ад, я тебя люблю. И что, вы оставите ситуацию как она есть, уйде-

те в кусты или, прокляв все на свете, отбросив все правила и условности, приняв на свою душу все грехи, одним рывком перевернете свою жизнь и поставите все на карту – вы, взрослый, многое переживший человек?

Опустив глаза, потемнев лицом, Вадим секунду отрешенно смотрел в пространство.

– А вот это может быть правдой.

– Разумеется, и учтите другое. Татьяна не только горда и полна достоинства, она еще и умна. И давайте уж откровенно – ну не может она не понимать, как способен Онегин отреагировать на ее признания. Разумеется, она ни о чем не просит – об этом речи быть не может, но где-то, на самом дне сознания – ведь не первый же день, в конце концов, она думает обо всем этом – неужели не промелькнула у нее догадка, пусть мгновенная, пусть даже сразу отогнанная? Послушайте, это история о взрослых людях. Это история о человеке, который, вместо того чтобы выстрелить в воздух – а, зная характер Ленского, можно не сомневаться, что он сделал бы то же самое, – хладнокровно убил человека, своего друга, это история о женщине, которая – пусть под влиянием матери – согласилась на брак по расчету с нелюбимым человеком – в ситуации, когда отказ отнюдь не грозил ее семье разорением, да и вообще ничем не грозил, – не надо их приукрашивать; и конечно, когда Татьяна говорит Онегину поразившие его слова – понимает ли она, *что* она говорит и к чему это может его подтолкнуть? – конечно, понимает – бессонными ноча-

ми все додумав до конца, сознавая, какой страшной ценой может быть куплено вызволение, она понимает, соучастницей чего она становится. Она не выдает этого – даже в слезах исповедуясь Онегину, она держит себя в руках, но можно не сомневаться ни секунды – не привыкшая обманывать себя, сделав выбор и оставляя дальнейшее на волю Провидения, она уже вынесла себе приговор. Сознывая, что ради спасения любви она, возможно, жертвует спасением души, она все же открывается Онегину – вот что происходит в этой истории, вот что, прежде всего, мы должны понимать. И скромная, высоконравственная Татьяна, о которой написаны сотни литературоведческих томов, исчезает, и перед нами предстает образ воистину шекспировский. Другое дело, что Пушкин, конечно же, не мог обо всем этом прямо написать. Его цензором был Николай I, который даже в минуты высшего благоволения к Пушкину не мог бы этого пропустить. Щеголь и вертопрах убивает на дуэли заслуженного генерала – это не эротические шалости вроде «Гавриилиады», это настоящая, глубинная, подлинная безнравственность, и, конечно бы, он сказал: «Ну, брат Пушкин, что-то тебя не туда занесло, изволь, пожалуйста, наведи порядок, приведи все в соответствие с законом и христианской добродетелью». Великое и смешное рядом. Но дело не в нем, а в нас. Часто ли мы задумываемся о великом? Способны ли мы хотя бы иногда выйти за пределы нашего мелкого, примитивного, ничтожного мирка, дерзаем ли узреть лежащее под глыбами, пытаемся ли хотя бы отча-

сти осмыслить, понять, что скрыто там, куда мы нашим ленивым взором, нашим праздным, поверхностным, текучим умом не можем или не хотим досягать? А если так, то не «невежество и трусость» есть ли сегодня наше имя?

Быстро опустив глаза, Вадим коротко кивнул.

– Согласен. «Мы ленивы и нелюбопытны».

– Не будучи классиком, замечу – мы еще просто болваны. Мы не достойны того, что нам завещано. Мы, в сущности, дикари, которые отпихивают письма, смысл которых им не ясен. И практически все наши взаимоотношения с классикой укладываются в эту формулу.

Неслышно подошедшая Аля, опустившись на ковер, с осторожностью оглядела сидевших.

– Боже, вы прямо так по-взрослому разговариваете. И с такими одухотворенными лицами...

Быстро переменив выражение лица и мельком бросив на нее такой же мгновенно переменившийся, веселый взгляд, мужчина с тонкой улыбкой опустил глаза.

– Мы исправимся.

Открыв сумочку и порывшись в ней, Аля протянула курстодиевской девушке что-то завернутое в пластиковый пакетик.

– Вот, только что привезли.

Всплеснув руками, быстро взяв пакетик и заглянув в него, та, прижав его к сердцу, быстро повернулась к Але.

– Спасибо огромное. Прошлый раз в аптеке было, а я,

представляешь, не догадалась про запас взять. Кулема.

Еще раз быстро заглянув в пакетик и удовлетворенно кивнув, она свернула его.

– Сегодня же ему укол поставлю.

– У Ирины котик болеет, – сообщил мужчина.

Аля покладисто потупила глаза.

– Мне обещали, что и дальше будут откладывать.

– Спасибо тебе огромное.

Худенькая девушка, потянувшись за чайником, разлила чай.

– Ходят слухи, – провокационным голосом произнес мужчина, – что Аля сегодня пришла в каких-то умопомрачительных туфлях.

Девушки, переглянувшись, приснули. Аля со скромным достоинством отвела глаза.

– Туфли, в которые влезает мой подъем.

– Духоподъемные, – кивнул мужчина. Он наставительно поднял палец. – Влезший подъем вызывает подъем духа. В этом диалектика.

Кустодиевская девушка вздохнула.

– Хорошо, что у тебя хоть что-то влезает. У меня в этом смысле сплошное уныние. – Она покосилась на мужчину. – Метафизическое.

Мужчина, сдерживая улыбку, поклонился.

– Приятно, что мои уроки идут впрок.

Аля с кротким достоинством повела плечами.

– Ничего. Выше пояса мое уныние присоединяется к твоему.

– Фирмы по производству одежды нас игнорируют, – сказала кустодиевская девушка. – Чтоб им скиснуть. Уже сорок восьмой размер найти проблема, а про пятидесятый и выше уже и заикаться нечего. Хорошо, что я еще шить умею. И главное, я не понимаю, это что, дискриминация?

– Что до меня, – пожав плечами, заметила Аля, – то я другого не понимаю – какое им дело, когда я хочу худеть, а когда нет?

– Они вас ненавидят, – хихикнула худенькая девушка, – за вашу красоту.

Мужчина радостно замахал руками.

– Ну что вы. Они вас любят. Просто им некуда деваться – на них давят непреодолимые экономические обстоятельства.

– Это какие еще обстоятельства? – Кустодиевская девушка непонимающе посмотрела на мужчину. – Что, наши деньги плохие?

– Ваши деньги хорошие. Просто... – Мужчина на секунду задумался. – На самом деле это интересная история, занимательно иллюстрирующая, как глобальные процессы влияют на частную жизнь даже в таких сугубо отдаленных от мировых центров силы местах, как наше, – если вы, конечно, хотите знать виновных.

Кустодиевская девушка покрутила головой.

– Всю жизнь об этом мечтала.

Мужчина прищурился, вспоминая.

– Кто-то из великих экономистов прошлого века – кажется, Леонтьев – написал еще в тридцатые годы, что всякая нелинейность в экономике влечет за собой последствия, расплачиваться за которые приходится населению. В данном конкретном случае нелинейность заключается в том прекрасно вам известном факте, что цена на предметы одежды практически не зависит от размера – одни и те же изделия сорок четвертого и пятьдесят шестого размера стоят практически одинаково. Так вот, в шестидесятые годы прошлого века в Америке произошла целая череда слияний и поглощений, приведших к резкому укрупнению швейной промышленности – тогда она там еще была, – и менеджмент образовавшихся монстров тут же занялся тем единственным, чем и занимается всегда менеджмент крупных компаний, – минимизацией издержек. На тот момент, если кому-то интересно, наиболее востребованным размером женской одежды в США был размер, примерно соответствующий нашему пятидесятому – именно этот размер имели тогдашние звезды экрана и манекенщицы – в чем легко убедиться, посмотрев кадры тогдашней кинохроники. Мифологизированная Мэрилин Монро сегодня не прошла бы ни один кастинг – по современным понятиям, она толстая. И вот, аналитики доложили, что если наиболее востребованный размер удастся сдвинуть влево хотя бы на одну позицию – до сорок восьмого, то уменьшение себестоимости за счет снижения расхо-

да ткани выльется в восьмизначную цифру. С этого момента все было решено. Вы же знаете, как тесно мир швейного бизнеса связан с миром моды – именно первый управляет вторым, а не наоборот. Все началось исподволь – сначала стали продвигаться худощавые манекенщицы, затем подключились женские журналы, конкурсы красоты, телевидение – начался глобальный процесс – женщинам со всех сторон, из всех телевизоров и утюгов начали внушать, что они толстые. Разумеется, все шло постепенно – нельзя же за короткое время переменить стандарты, которых человечество придерживалось пять тысяч лет, – но к концу восьмидесятых годов процесс в общем завершился – и легкая промышленность возрадовалась, правда, уже не американская, а китайская, мексиканская, пакистанская и бог еще знает какая, но в век транснациональных корпораций – какая разница. Так что, если это вас утешит, сегодняшние эталоны красоты не имеют ничего общего ни со здоровьем, ни с эстетикой – в основе сугубо денежные расчеты.

На мгновение в помещении повисла тишина.

– Вот гады, – проникновенно произнесла кустодиевская девушка.

– Не то слово. Так что, если завтра все вдруг волшебным образом изменится – и цена на одежду станет зависеть от расхода ткани – то чередой пойдет полоса неизбежно взаимосвязанных процессов, позволяющих во всей красе наблюдать полный поворот бизнес-машины. Тут же рухнет индустрия.

стрия спортзалов и фитнеса, кутюрье нетрадиционной ориентации повывают из домов моды, журнал «Космополитен» начнет публиковать статьи «Что делать, если вы похудели», «Семь быстрых способов набора веса»...

– В качестве темы номера, – подхватила худенькая девушка, – дискуссия: «Как наиболее рационально решить проблему недостающих килограммов?» Участвуют: Алевтина, двадцать три года – экономист, Ольга, тридцать пять лет – маркетолог, Татьяна, двадцать восемь лет – дизайнер...

– И друг редакции из США – публицист, колумнист и репортер Джедекия Роттерсхаймер.

– Да ну вас, – сказала кустодиевская девушка, – все равно же ничего этого не будет.

– Зато, – негромко заметила Аля, – ты научишься шить еще лучше, чем раньше.

– А вы не имеете отношения к легкой промышленности? – спросила Вадима худенькая девушка.

– Нет, – сказал Вадим. – Мой случай гораздо тяжелее.

– А чем вы занимаетесь? – спросила кустодиевская девушка.

На мгновенье задумавшись, Вадим неожиданно для себя полуйстерически прыснул, закрыв глаза ладонью.

– Минимизацией издержек.

– Понятно.

– Был когда-то фильм, – сказала худенькая девушка, – там говорилось: «никогда хорошо не жили, не надо было и пы-

таться».

– Да ладно тебе. – Кустодиевская девушка, словно неожиданно что-то вспомнив, живо повернулась к мужчине. – А вы нам еще расскажете про Симону де Бовуар?

Улыбнувшись, мужчина, на секунду опустив глаза, казалось, чуть замешкался.

– Ну, собственно...

Худенькая девушка как будто невзначай скользнула быстрым взглядом в сторону Вадима. Я их стесняю, понял Вадим. Это какие-то их внутренние дела, это им сейчас интересно, а я еще не настолько посвящен, чтобы им было комфортно говорить при мне об этом. Надо уходить, я перевыполнил план, я слишком расслабился. И в комнате у меня груды чертовых материалов, требующих изучения. Поднявшись, он светски поклонился.

– Прошу прощения, пора.

Просияв улыбкой, мужчина ответил ему столь же светским поклоном.

– Будем рады видеть вас снова.

Кустодиевская и худенькая девушки радостно помахали ладошками.

– Уходите минимизировать издержки? – невинным тоном поинтересовалась Аля.

Проникшись ощущением ответственности, Вадим убежденно кивнул.

– Да. Пора, наконец, заняться этим настоящим образом.

– Удачи.

Отвесив завершающий кивок, он двинулся назад по коридору. При чуть мерцавшем свете потолочной лампы длинно-массивные ряды книг на стеллажах отсвечивали темными корешками. Зайдя в комнату, он на секунду в задумчивости остановился в прихожей; завернув на кухню, с трудом отклеив дверь большого пыльного холодильника, на мгновение он заглянул туда; увидев на полке наполовину опорожненную бутылку спирта «Рояль», баллон «Херши-колы» и пакетик с порошковым напитком Yurі, философски кивнув и закрыв холодильник, он вернулся в комнату. За окном была чернота, с книжной полки, мерцая золотым тиснением корешка, зывала к читателям книга о маоизме. Пора, сказал он себе, пора. Хватит светских разговоров, надо убить в себе всякие проблески мысли, всякие остатки воспоминаний, всякие мечты о добродетели, все это мелочь, все это издержки, которые я минимизирую. Бог ледяного спокойствия и менеджмента, я возвращаюсь к тебе. Все, кончено. Сегодня я работаю с документами. Как Ельцин.

Опустившись на кровать и притянув к себе папку, он развязал тесемки и открыл ее – словно освободившись от гнета, груда бумаг, как поднявшееся тесто, привстала, набухнув; сняв верхний слой в виде заколотого скрепкой документа «Актуализированные данные по процедуре приватизации предприятия „Семиструйский, ордена Трудового Красного знамени, завод биохимических реагентов, биосинтеза

и полимеров“ в 2008–2009 гг.», Вадим мгновенье подержал его на весу. Несмотря на декларированную актуализированность, документ был старый – бумага пожелтела, в верхнем правом углу к ней прилипли останки убитого комара. Мельком подумав, что комар едва ли был единственной жертвой процесса приватизации комбината в 2008–2009 гг., Вадим вздохнул. Вытащив документы из папки и расположившись на кровати, временами делая выписки, он изучил «Актуализированные данные» и еще несколько столь же информативных документов, в тишине был слышен шум ветра за окном, тусклая настольная лампа в изголовье временами чуть мигала. Взяв очередную справку, он перелистнул страницу, чуть слышно скрипнула, приоткрываясь, дверь, лампа мигнула. Вадим поднял глаза. В дверях, в коротком белом кимоно и туфлях на высоком каблуке, стояла Аля. Полы кимоно чуть разошлись, открывая голое тело; чуть поправив их, она вежливо взглянула на него.

– Я не помешаю?

Мгновенье Вадим смотрел на нее.

– Может быть, даже поможешь.

Аля потупила глаза.

– Мне почему-то тоже так казалось.

Поспешно подойдя и сев ему на колени, она так же быстро обняла его за шею, лампа, быстро замигав, погасла, рассыпанные листы из упавшей на пол папки разлетелись по полу.

Глава II

– ...Ты не думай, я хотела бы с тобой поспать, но я люблю спать у себя.

– И что?

– Ну, типа, я тебя приглашаю.

– С вещами?

– А они у тебя есть?

– Ну...

– По-моему, на просторах моей комнаты они будут незаметны.

...Разом выпав из сна и сиюсь понять, почему помещение, в котором он проснулся, ничем не напоминает его комнату, Вадим лишь спустя мгновенье вспомнил этот разговор. Приподнявшись на локте, он огляделся – комната Али была, вероятно, раза в три больше его собственной. Два высоких окна, массивный письменный стол между ними, тяжелые шкафы с книгами, огромные, резного дерева, мягкие кресла и старый телевизор в углу. Прямоугольники окон были забиты мраком, торшер в дальнем углу подсвечивал комнату тонким лучистым золотом; отбросив одеяло и разметавшись на кровати, рядом спала Аля, в остром блике косо падавшего света было видно, что ее бедра и плоский живот были покрыты мелким, чуть различимым светло-золотистым пушком. Мгновенье Вадим рассматривал их. «Подпушичек», –

подумал он, повторяя когда-то услышанное смешное слово.

Откинув одеяло, он встал и подошел к окну. Лежавший поодаль все такой же пустой лунный проспект чуть поблескивал в свете фонарей, стоявшее напротив подъезда большое дерево без коры и без листьев словно щупальцами вращалось во тьму длинными изломанными ветвями, в дальнем доме по ту сторону проспекта, словно отвечая ему, зажглось одинокое золотистое окошко. Оглянувшись и найдя взглядом портфель и лежавшую рядом на стуле папку, мгновенье он помедлил, прислушиваясь к звенящей тишине комнаты. Спать не хотелось. Подойдя и взяв со стула папку, он вновь пересек комнату и, сев за стол, включил стоявшую на нем массивную лампу. Внутренне произнеся «заход на цель номер два», он вновь развязал тесемочки и достал документы из папки. Отложив в сторону эссе о приватизации и другие уже прочитанные драматические документы, немного подумав и просмотрев заголовки материалов, он разложил их на несколько тематических стопок, включавших общие сведения по истории города, протоколы и свидетельства об аварии на комбинате, данные химической, радиологической и прочих экспертиз, финансовую отчетность комбината, переписку мэрии с администрацией региона, а также большое количество документов, не относившихся ни к одной из этих категорий и условно объединенных под названием «разное».

Оглядев шесть стопок, свободно разместившихся на широком пространстве стола, и решив начать с документов,

предоставлявших общий компендиум знаний, он придвинул к себе первую из стопок и погрузился в нее.

Город Семиструйск, основанный в 1556 году людьми купцов Строгановых, в течение двух веков был известен в качестве места соляных промыслов и в ином качестве в документах практически не упоминался.

Относительно заметным эпизодом в истории города стал 1774 год, когда фельдфебель квартировавшей в городе рекрутской команды 84-го пехотного мушкетерского полка Тимофей Гусятников во время восстания Емельяна Пугачева, подбив на возмущение десятков солдат своей команды, бежал вместе с ними из казенных квартир и встал на сторону самозванца. Происшествие, впрочем, имело не слишком длительную историю, так как всего два месяца спустя мятежники в полном составе были пленены графом Паниным, сам зачинщик бунта был подвергнут наказанию шпицрутенами, а останки его сданы в Анатомический театр.

В девятнадцатом веке, после открытия в окрестностях города локального месторождения каменного угля, к соляным промыслам добавились несколько каменноугольных шахт и два винокуренных завода. После этого город вновь надолго пропал из документов и летописей, безвестно пережил революцию и пребывал в неостребованном состоянии вплоть до конца двадцатых годов, когда в русле начавшейся индустриализации и с учетом открытия на левом берегу реки Семиструйки новых каменноугольных месторождений в го-

роде высадили комсомольский десант «двадцатитысячников» и началось строительство химкомбината. Сам город разросся, достиг статуса районного центра, причем был переименован, так что вплоть до конца советских времен носил имя Цюрупинск, в честь Александра Цюрупы, наркома продовольствия в правительстве Ленина, известного своими голодными обмороками. Обратное переименование города со времен начала перестройки было предметом упорной борьбы группы городских демократов, регулярно публиковавших в городских газетах о Цюрупе различного рода разоблачительные статьи. Вероятно, кульминацией этой борьбы стал выпуск коммерческим издательством в Железнодорожск-Илимске книги «Половая жизнь Цюрупы», мгновенно разошедшейся массовым тиражом далеко за пределами региона, причем содержание издания, по-видимому, было таково, что даже в сверхлиберальном 1992 году спустя месяц после публикации оно было запрещено к распространению, а книга изъята из библиотек. Тогда же город был наконец переименован – несмотря на то, что в связи с начавшейся эпохой борьбы за выживание протесты и прочие гуманитарные акции сами собой утихли – то ли кого-то в Москве ужаснули обстоятельства половой жизни Цюрупы, то ли это было просто совпадением.

В документах, кстати, имелась краткая справка о книге, с указанием типа бумаги, количества страниц, фамилий редактора, корректора и прочих выходных данных, причем об-

ращала на себя внимание фраза «издание богато иллюстрировано».

По состоянию на момент появления Облака в городе, помимо химкомбината, функционировали НПО «Азотные удобрения», газоперерабатывающий комплекс, несколько предприятий пищевой промышленности, две угольные шахты (большинство было закрыто за нерентабельностью в девяностые годы) и вертолетный завод. Что касается самого химкомбината, то, созданный в начале шестидесятих годов, в советские времена, в качестве научно-промышленного объединения, он занимался, как говорилось в документах, «производством специальной химической продукции, разработанной по указаниям директивных органов». Вообще о продукции комбината что в советскую эпоху, что в последующие времена в документах говорилось определенно эзоповым языком. Сообщалось только, что с девяностых годов, когда директивные органы надолго утратили интерес к специальной продукции, комбинат продолжал вялотекущую деятельность, пока, наконец, не был приватизирован с переходом контрольного пакета к одной из московских бизнес-структур, направившей на комбинат «группу эффективных менеджеров». Катастрофа произошла через семь месяцев. С учетом того, чем обычно кончается в России деятельность эффективных менеджеров, логичным представлялось провести прямую связь между этими двумя событиями, однако из документов это, строго говоря, не следовало – при-

бывшая на комбинат команда занималась тим-билдингом, разработкой маркетинговых схем, но массовых сокращений технического персонала не производила, в технологические процессы не вмешивалась и вообще вела себя относительно вменяемо.

Отложив первую стопку, Вадим взялся за следующую, целиком посвященную непосредственно аварии. Смена чтения была эквивалентна переходу от обстоятельного реалистического романа к каким-нибудь «Поминкам по Финнегану» на белорусском языке. То немногое, о чем можно было говорить с известной определенностью, содержалось в нескольких кратких документах в самом верху стопки. Конкретно сообщалось, что 24 апреля 2009 года через трубоотводную систему, использовавшуюся для вывода в атмосферу отработанного углекислого газа, произошел «интенсивный выброс газообразной субстанции высокой плотности радикально черного цвета». Выброс продолжался в течение шести часов, образовав над комбинатом массивное черное облако, которое затем, разрастаясь, накрыло собой весь город, в результате чего, как говорилось в документе, «естественная освещенность была сведена к нулю», то есть, попросту говоря, город погрузился во тьму. При этом операторы системы управления технологическим циклом единодушно утверждали, что с самого начала процесса потеряли возможность регулировки и ничего не могли сделать, так как имевшиеся в их распоряжении управляющие консоли просто не

работали.

Дальше начиналось черт-те что.

Химический состав выброшенной субстанции определить не удалось. Как следовало из документов, связано это было с тем, что состава как такового, собственно, и не было. В Облаке шла постоянная химическая реакция с перманентным переходом из одного состояния в другое, так что «выделить стабильные межмолекулярные связи не представлялось возможным». При этом процесс имел не циклический, а статистически случайный или псевдослучайный характер, так что выявить в нем хоть какую-то повторяемость и описать ее также не удалось.

Тот факт, что, несмотря на высокую концентрацию Облака, через него спокойно проходил в обоих направлениях атмосферный воздух обычного состава, объяснения не нашел.

Пресловутая стабильность Облака, то есть тот простой факт, что, несмотря на постоянно дувшие ветры различных силы и направления, Облако в течение восьми лет неизменно оставалось на месте, также объяснена не была.

Электромагнитные сигналы, вне зависимости от диапазона, через Облако не проходили, в связи с чем спутниковая телефония и спутниковое телевидение в городе не действовали. В тех же случаях, когда источник сигнала находился непосредственно в городе, то есть внутри Облака, характер отражений от внутреннего слоя Облака был таким, что «возникающая в результате аддитивная помеха делала при-

ем сигналов мобильной телефонии и телевизионного вещания невозможным». При этом сигналы в спектре радиосвязи, включая пейджинговые, нормально принимались. Объяснений всему этому также получить не удалось.

Экспертные заключения, имевшиеся в следующей стопке, ничего к картине не добавляли. Финансовая отчетность комбината являла собой типичную картину долговременного прозябания, когда предприятию не давали ни жить, ни умереть, хотя более или менее приемлемую зарплату основных специалистов до момента появления Облака сохранять кое-как и удавалось.

Обращала на себя внимание любопытная деталь. Как следовало из документов, производство «специальной химической продукции» в советские времена осуществлялось комбинатом на непрерывной основе, с использованием сырья, содержавшегося в огромных подземных резервуарах. С наступлением новой эпохи объем выработки был радикально уменьшен, но не остановлен, поскольку полная остановка технологического цикла представляла собой сверхсложный, дорогостоящий и небезопасный процесс, в связи с чем все последующие годы комбинат продолжал вырабатывать продукцию в небольших дозах, используя практически неограниченные запасы сырья. Как видно было из приложенной справки, после аварии и образования Облака, когда управляемость отчасти удалось восстановить, объем выпуска был еще раз уменьшен – до минимально допустимых мизерных

значений, и в этом виде комбинат законсервирован. Поскольку после консервации финансирование комбината московской бизнес-структурой было практически прекращено, персонал разбежался, и в настоящее время комбинат имел статус охраняемого спецобъекта, доступ на который (за исключением стоявшего на отшибе административного корпуса, в котором теперь располагался вещевой рынок) был запрещен всем, за исключением нескольких специалистов МЧС, периодически посещавших зал управления для текущего контроля. Но главным было другое. Хотя по истечении шести часов в день аварии выброс субстанции Облака прекратился, дальнейшие наблюдения зафиксировали, что в ходе последующих восьми лет с периодичностью примерно раз в месяц и через все ту же трубоотводную систему в атмосферу выбрасывалось небольшое количество все той же газообразной субстанции, имевшей все отличительные признаки вещества Облака. Облако понемногу подпитывалось. Каким образом и в результате каких технологических процессов это происходило, установить, разумеется, не удалось.

Поскольку переписка мэрии города с администрацией региона имела настолько унылый характер, что отбивала охоту ко всякой конструктивной деятельности и, кроме того, ничего не добавляла к фактографической картине происшедшего, Вадим, миновав ее, перешел непосредственно к разделу «разное».

В отличие от всех предыдущих, эта стопка радовала раз-

нообразием тематик, полетом фантазии и красочностью образов, так как содержала то, что помощник мэра обозначил в разговоре как «слухи и сплетни». В сущности, это был срез городского фольклора, относящегося как к событиям, связанным с появлением Облака, так и к городской жизни в целом. События, связанные с появлением Облака, молвой толковались в виде нескольких версий, каждая из которых уже приходила в голову Вадиму во время чтения документов. Высказывалось мнение, что вся история с Облаком была делом технических специалистов комбината, вошедших в сговор с бизнес-структурой, проигравшей приватизационный конкурс и желавшей обесценить упущенный актив с целью его последующей скупки за бесценок. В дальнейшем технологический процесс вышел из-под контроля, а его организаторы в суматохе смылись. Выдвигались также версии, в соответствии с которыми авария на комбинате была проплачена извне (американскими спецслужбами, партией «зеленых», адвентистами-масонами седьмого дня, фондом Сороса и т. д.). В остальных деталях они мало различались с первой.

Широко обсуждалось также предположение, что авария на комбинате и последующее превращение его в законсервированный охраняемый объект были лишь дымовой завесой и прикрытием, призванным замаскировать совершенно иную суть событий, а именно то, что где-то на территории комбината известный в масштабах региона криминальный

авторитет Еловый зарыл накопленные им за период 1986–2008 гг. сокровища. Поскольку сам Еловый был убит в 2012 году в Майами и в связи с этим упомянутые сокровища оказывались как бы бесхозными, последняя версия сильно возбуждала аудиторию и широко обсуждалась. Любопытно, что хотя Вадим ничего не знал о Еловом, мысль о том, что все, связанное с Облаком, могло быть лишь ширмой для чьих-то тайных манипуляций на территории завода, пришла ему одной из первых.

Особняком стояла версия, относившая все, связанное с Облаком, непосредственно к деятельности самого Дьявола и связывавшая ее с чрезвычайным распространением, которое получили в последние годы в городе «сатанинские и богопротивные металлические группы». Особой логики в этом предположении не было, так как «сатанинские и богопротивные группы» получили распространение как раз после появления Облака, но это обстоятельство никого не смущало, и в связи с подобной трактовкой событий в городе все большее распространение получали неформальные группы так называемых «очистителей», регулярно пытавшихся срывать металлические концерты и вступавших в потасовки с не менее многочисленными метал-фэнами. Одну из таких сцен Вадим имел удовольствие видеть в кафе. Между прочим, как с удивлением узнал Вадим, город в последние годы действительно приобрел известность федерального уровня в андеграундных металлических кругах, и на проводившиеся здесь

фестивали приезжали металлисты со всей страны. Как написал на каком-то металлическом сайте местный фэн (его высказывание цитировалось в одном из документов): «в нашем городе только металл и развивать – сплошная тьма, гниль и плесень».

Средоточием хэви-металлической жизни был так называемый Левый берег, где располагались законсервированные угольные шахты, заброшенная промзона, почти обезлюдившие шахтерские бараки и «хрущевки», песчаные карьеры и множество других техногенных сооружений разной степени запущенности. Там, на полуразвалившемся стадионе вертолетного завода, регулярно устраивались металлические концерты. Несмотря на массовый отток населения, на Левом берегу по-прежнему проживало несколько десятков тысяч человек, и этот район был одним из основных в городе фольклорогенерирующих участков. Полиция там практически не появлялась, квартплата давно уже никем не платилась, система водоснабжения и электрическая подстанция функционировали с постоянными авариями, устранявшимися чуть ли не силами самих жителей, торговые точки работали в режиме вечных налоговых каникул, а городская администрация уступила место некой стихийной системе самоуправления. В это гнездилище Дьявола регулярно совершали рейды «очистители», называвшие свои вылазки «крестовыми походами», которые они, в подражание историческим крестовым походам, даже нумеровали.

Особо радовали кратко изложенные в одном из документов городские легенды. Легенды эти возникали по разным поводам еще с Екатерининской эпохи, к позднейшим временам относились лишь некоторые из них. Одной из них была легенда о мертвом вертолете. Рассказывалось, что с располагавшегося на Левом берегу вертолетного кладбища (такое действительно существовало на пустыре за вертолетным заводом) регулярно взмывает старый, полуразвалившийся, насквозь проржавевший вертолет и облетает город, рассекая тьму блуждающим лучом прожектора. В проеме отвалившейся боковой двери вертолета сидит, свесив ноги, полуистлевший мертвец с бутылкой водки в руке, периодически запрокидывая бутылку и оглашая затем окрестности диким смехом. Любопытно, что легенда имела под собой некоторое основание, так как в девяностые годы в городе реально существовала коммерческая структура ритуальных услуг «Кратчайший путь», доставлявшая гробы из квартир и моргов в городской крематорий на вертолетах, в которые также набивались и таким образом доставлялись к месту церемонии многочисленные родственники и знакомые. Поскольку перечень нормативно-правовых актов, которые нарушала деятельность этой структуры, занимал две с половиной страницы (перечень был приложен), деятельность эту к 2000 году кое-как удалось прекратить.

Известна также была легенда о призраке гитариста. Сообщалось, что на вершину огромного песчаного холма рядом

с заброшенным карьером на Левом берегу периодически забирается призрак гитариста-металлиста и исполняет оттуда рифф из композиции Dimmu Borgir «Tormentor of Christian Souls», сопровождая его громогласными проклятиями и богохульствами. Каким образом звук его гитары при этом «разносится далеко по району», было, впрочем, не вполне понятно, так как для этого вышеупомянутый призрак, помимо собственно гитары, должен был взгромоздить на вершину холма еще и усилитель с колонками и откуда-то взять электричество. В связи с этим, правда, в одной из версий легенды утверждалось, что явления гитариста-призрака странным образом совпадали с веерными отключениями электроэнергии на Левом берегу, однако каким образом эта энергия доставлялась призраку на вершину холма, версия никак не поясняла.

Завершала картину легенда о подводном монастыре. В связи с тем, что в конце тридцатых годов русло реки Семиструйки было искусственно изменено для создания местного водохранилища и стоявший в низине монастырь шестнадцатого века в результате действительно оказался под водой, различные связанные с ним эзотерические слухи и легенды издавна циркулировали среди населения, однако, как сообщалось в документе, по какой-то непонятной причине в течение последних восьми лет они выкристаллизовались в конкретную историю о подводных монахах. Песчаный берег водохранилища в километре от города издавна был излюб-

ленным местом отдыха местных жителей, где они охотно купались и загорали; после появления Облака о загаре, разумеется, пришлось забыть, однако купания, пусть под покровом тьмы, со временем возобновились, для чего местность по инициативе мэрии даже была подсвечена двумя мощными прожекторами. В вынужденно ночных купаниях некоторые находили даже известную прелесть, работала и издавна существовавшая вблизи пляжа лодочная станция. В соответствии с легендой, привычный отдых жителей периодически стал нарушаться появлением на поверхности водохранилища всплывавших из глубины вод недружелюбного вида монахов в рясах и клобуках, истово обличавших купающихся жителей в разнообразных грехах. Легенда передавала свидетельства многочисленных очевидцев, согласно которым на водной глади вблизи мирно проплывавших мимо двух лодок внезапно появились голова и плечи костлявого, с горящими глазами и клочковатой бородой монаха, который, желчно поджав губы, цепким, недобро-примечающим взглядом обвел обомлевших жителей и, воздев перст, с торжествующим криком «Анафема! Всем анафема!» скрылся в волнах.

Агрессия всплывавших из глубины монахов распространилась почему-то почти исключительно на женщин. Рассказывалось, в частности, как прямо перед лицом неторопливо плывущей брассом женщины тридцати пяти лет внезапно с шумом всплыл огромный, с массивным золотым крестом на груди поп и, всей тушей надвинувшись на нее, возо-

пил: «Прелюбодействовала?» Женщина, с которой случился нервный припадок, вынужденно перейдя с брасса на кроль, с трудом достигла берега. В другой раз вблизи лежавшей на спине, раскинув руки, на глади водохранилища женщины так же неожиданно всплыл косматый, злобного вида монашек и, пригвоздив ее к лону вод пронзительным взглядом и обличающе ткнув в ее сторону указательным перстом, мстительно произнес: «Век не видать тебе водосвятия!» – после чего мгновенно погрузился в толщу вод и исчез в глубине.

Рассказывалось и о других подобных случаях.

Отложив последний документ, Вадим отодвинул стопку. На зеленом сукне стола перед ним осталась последняя бумажка. Мгновенье Вадим смотрел на обрывок листка с записью синим фломастером.

«Казначеев Георгий Иванович, ул. Стаханова, д. 3, корп. 1, кв. 2, в 2002–2009 гг. начальник отдела режима.

Лебединский Александр Владимирович, Левый берег, ул. Газоагрегатная, д. 14, корп. 6, кв. 43, в 2005–2009 гг. заместитель директора по научной работе».

Сунув документы обратно в папку, он оставил обрывок на столе. Рыться в бумагах смысла больше не было, документы сказали все, что могли. Чтобы что-то реально выяснить, надо было идти и разговаривать со свидетелями.

Неслышно вставшая с постели Аля, мягко подойдя, с секундным любопытством заглянула в листок через его плечо.

– Это кто такие?

Констатирующе посерьезнев, Вадим сделал ответственное лицо.

– Злостные нарушители правил пешеходного движения, извращенцы и неплательщики алиментов.

Еще раз мимоходом взглянув в бумажку, Аля свободно пожала плечом.

– На Левом берегу, по-моему, уже давно никто алиментов не платит.

– А на Правом что, платят исправно?

– Не знаю. Меня, во всяком случае, это точно не касается.

– Тогда, может быть, ты знаешь, где улица Стаханова?

– Это старая промзона, за сквером Первостроителей. А ты что, собираешься туда идти?

– Ну да. А что?

– Не знаю, там, по-моему, давно уже никто не живет.

Вадим кивнул на листок.

– Ну, один абориген по крайней мере присутствует.

Аля наклонилась.

– Может, у него ностальгия? Поближе к бывшим режимным объектам...

– Что ж, это и попробуем выяснить.

Выпрямившись, она со скромным достоинством оглядела его.

– Между прочим, если ты подвинешься, я смогу сесть тебе на колени.

Спохватившись, он поспешно отодвинулся от стола.

– Извини. Вот так порой мы и упускаем возможности.

Быстро сев ему на колени и обхватив шею, она с серьезной требовательностью повернулась к нему.

– А тебе понравилось, как я тебя вчера соблазнила?

– Ну, по-моему, это было очевидно.

– Я специально надела туфли.

– А это были те самые?

– Ну конечно.

– Извини, не понял.

Пряча улыбку, она потупила глаза.

– Мне кажется, если бы я пришла в других туфлях, результат был бы тот же.

– Могла бы прийти вообще без туфель.

– Ты не понимаешь. Мужчины так устроены. Чем больше похоже на порнографию, тем сильнее действует.

– Ну, не на всех. Я, например, не люблю ни туфель, ни белья.

– То есть ты любишь, чтобы девушка была совсем голая?

– Ну да.

Она с улыбкой отвела глаза.

– А мне, наоборот, нравится, чтобы, когда она лежит на спине и ее трахают, на ней были туфли на шпильках. – Она повела плечом. – Я такая онанистка.

– Ну, законом не возбраняется.

– Еще бы возбранялось. Половина женщин с катушек бы слетела.

– Используешь технические средства иностранного производства?

– У меня было одно средство, но из него батарейка выпала и куда-то закатилась. Но, в общем, мне все равно. Я как-то разнообразна в этом отношении. То есть разные способы использую. Кроме душа.

– Это почему?

– Потому что это, типа, неправильно. Это точно, по науке. Мне одна моя знакомая, психотерапевт, сказала, что такой метод мастурбации у них считается непродуктивным.

– То есть психотерапевты под душем не мастурбируют?

– Во всяком случае, нам они это не рекомендуют.

– Что ж, им виднее.

Она ищуще обернулась.

– Я вчера тебе пейджер достала. У Ирины оказался новый, она им даже не пользовалась. Она себе купила, а ей на следующий день на работе выдали. А, вон он.

Живо встав с его колен, мягкой, чуть покачивающейся походкой она пересекла комнату и, взяв с тумбочки коробочку, вернулась к нему на колени.

– Даже еще в пленке... Ты ведь сейчас поедешь? Вот. Сейчас совместно лишим его девственности.

Впечатленный, он крутанул головой.

– Совместно лишить девственности пейджер – это уже какое-то особо злостное извращение.

Она согласно кивнула.

– И сейчас мы ему предадимся.

Повозившись с кнопками, она дождалась пискнувшего сигнала.

– Вот так. Запомнил?

Он кивнул.

– Ну вот, я тебе вызвала.

С застенчиво-уклончивой улыбкой она взглянула на него.

– Мы совершили групповое изнасилование пейджера.

– Что-то удовлетворения особого не чувствую.

– Это придет позже.

– Надеюсь.

Она оглянулась на стенные часы.

– Я скоро на работу. Так что занимай ванную быстрее.

Одевшись и приведя себя в порядок, через пять минут он вышел в коридор. Вновь пройдя тусклым путем к входной двери, мгновенье повозившись с незнакомым замком, он вышел на лестницу. Отсекающе лязгнула дверь; слушая свои шаги в гулком каменном пространстве, он спустился вниз. Машина ждала у подъезда; назвав адрес шоферу, он смотрел, как тянется мимо окна, ускоряясь и ускоряясь, под конец замельтешив черными окнами и подъездами, казавшийся бесконечным длинный дом. Дом оборвался, замелькали изломанным частоколом голые стволы и ветви высохшего скверика, машина повернула, потянулись переулки, место редких светящихся окошек заступили глухие черные стены без единого проблеска, дальний свет ощупывал пустую дорогу

впереди.

Под теплым ветерком из щели приспущенного стекла он смотрел на пляшущие впереди световые конусы. Снова ощущая себя в пустоте, не заполненной ни Алей, ни документами, стремясь не дать воспоминаниям вновь заползти в него, он вспоминал то, что только что прочел в бумагах. В общем-то, грош цена всем этим документам, подумал он. Третий слепок с реальных событий, «журналистское расследование», тени на стене Платоновской пещеры. Бог знает почему, но углубленное изучение вопроса всегда приводит к тому, что реальная ситуация оказывается в точности противоположной той, что существует во всеобщем мнении, – да иначе и быть не может, когда составленные случайными людьми документы напоминают попытку паралитика описать Олимпийские игры. Документы мне не помогут, нужны свидетельства, нужны мнения, мысли, впечатления тех, кто хотя бы издали, хотя бы косвенно наблюдал то, что происходило на этом заводе. Единственная удача во всем этом – это то, что есть те два человека – если, конечно, они окажутся на месте и захотят со мной разговаривать.

Начальник отдела режима. Это именно тот, кто сейчас мне нужен. Такие люди обычно в курсе всего, они не пренебрегают мелочами, они в курсе всех слухов и сплетен, отставные комитетчики, они тянутся к информации, потому что по привычке помнят, что именно она дает власть над людьми, не может быть, чтобы он не знал ничего о случившемся, на-

верняка он что-то видел, что-то наблюдал, возможно, даже что-то понял, только он может сказать что-то серьезное. И тут промашки не должно быть. Хочешь не хочешь, а придется сразу взять верный тон, придется понравиться ему – если этого не произойдет, если я не налажу с ним контакт, он не только замкнется сейчас, но и в следующий раз может уклониться от встречи. Придется быть чертовски убедительным – он может оказаться зачерствевшим старым служакой или косящим под простачка неприметным типом себе на уме, в духе Швейка, в цель придется попадать с первого раза – однажды составив мнение о человеке, такие люди редко его меняют. Иначе – все, иначе никакая Гекуба мне не поможет.

Машина вдруг резко остановилась.

– Дальше не поеду, – сказал водитель.

– А что случилось? – спросил Вадим.

– Выходили б вы скорее, – сказал водитель, – не видите, какой район.

– А какой? – спросил Вадим.

Водитель без особого дружелюбия покосился на него.

– Приезжий, что ли?

– Ну, сюда, во всяком случае, с вами приехал.

– Какой, какой... Мертвый парк.

Вадим посмотрел в сторону мутно видневшегося впереди древесного массива.

– В смысле? Там что, мертвецы бродят?

– Не знаю я, кто там бродит, – сказал водитель, – а за пар-

ком точно кто угодно шляться может. И через парк не поеду – бог знает чего на дорогу подбросят – шину проколет, потом вылезай отсюда.

– А улица Стаханова где?

– Сразу за парком начинается. Там ему памятник стоит – увидите.

– Понятно, – сказал Вадим. – Так мне что, по дороге идти? Водитель как-то странно посмотрел на него.

– Лучше по пешеходной дорожке идите, – сказал он. – Там даже кое-где фонари есть.

Вадим посмотрел в сторону парка.

– Правее, – сказал водитель. – Там, где тумба поваленная. Рассчитавшись, Вадим вышел из машины.

За спиной поспешно взвизгнули тормоза разворачивавшегося автомобиля, послышался быстро удалявшийся рокот. Свернув с дороги, по осколкам битого кирпича через хрустевший под ногами засохший мусор он вышел на дорожку; между двумя изображавшими цветочные чаши гипсовыми тумбами, одна из которых и вправду была повалена, он вошел в парк.

Изгибающаяся дорожка уходила во мрак, отдаленный фонарь подсвечивал голые стволы и переплетение острых веток. Пройдя сотню шагов, он оглянулся – того разрыва между деревьями, через который он вошел, уже не было во тьме, впереди все так же тянулась дорожка. Стволы уходили вверх, в черноту, черные ветки были неподвижны, стояла абсолют-

ная тишина. Беззвучно, временами слыша шорох ссыпавшегося песка под ногами, он дошел до покосившегося облупленного фонаря; чуть склонившись над дорожкой, еле слышно потрескивая, он освещал белый ссохшийся песок. Оставив его за спиной, он пошел дальше по дорожке, вновь углубляясь во тьму; дорога сузилась, нависающие во тьме ветки сомкнулись где-то в вышине над головой; без движения воздуха, без шелеста и шорохов, в безмолвии и неподвижности черная древесная сушь расстилалась справа и слева. Охватывающая и всепроникающая, силой заползающего в душу ощущения полной остановленности, равнодушия и покоя, конца мира, навеки погибшим королевством она, казалось, гасила и замедляла чувства. Темный мертвый мир. Тесно расставленные во тьме стволы, которые, казалось, умерли миллион лет назад и так же вечно будут стоять в угольном сумраке, зыбкий, никуда не ведущий серый просвет среди веток, темные лунные поляны без луны, загадочное, почти приятное ощущение ненужности всякого движения – зачем куда-то идти, когда ты уже пришел, – не смерть, а то, что наступает после смерти, глухое и бесконечное, обступало со всех сторон. Невольно сбавив шаг, чувствуя, что исчезает время, безошибочно, каким-то инстинктом ощущая, что он – единственный человек в этом мертвом пространстве, Вадим наконец остановился. Смерть. Изломанная древесная вязь чернела над ним. Рассматривая ее, повернув голову, он вдруг замер, почти вздрогнув – в вышине, в расще-

лине вертикальных голых ветвей, на фоне темно-серой массы, заменявшей небо, он увидел сплетенное из веток гнездо. Полукруглое и прочное, плотно, веточка к веточке подогнанное, наверно, воронье, казавшееся странным и невысказанным среди обступавшей его обездвиженной нежити, оно отчетливо виднелось, окруженное сплетением ветвей. Что-то неясное, размытое было во всем этом, ветки, торчавшие сверху и снизу, накладывались, сливаясь с картиной, Вадим присмотрелся – среди нагромождения черных пятен и штрихов ему показалось, что он видит саму ворону. Смазанная непонятная картинка, то ли контур вороны, то ли причудливое переплетение сучков. Есть она или нет, но как-то странно она сидит, подумал он, окаменела она, что ли. И тут по острому абрису клюва, по быстрому движению дернувшейся головы он вдруг увидел, что ворона жива. Обеспокоенно задвигавшись, перейдя из одного конца гнезда в другой, секундно нырнув вглубь гнезда, она тут же выпрямилась, над краем гнезда вновь стала видна ее простецкая башка с клювом. Здесь, среди полной черноты, среди казавшегося вечным мрака, она жила своей, не прекращавшейся, лишь ей одной известной и понятной жизнью, здесь, на дне корзины, скорее всего, были ее птенцы, здесь где-то среди мертвой темени летал ее муж, выискивая бог весть где затаившихся червячков – с трудом отведя взгляд, Вадим передернул плечами, как от озноба, ощущение того, что он не видит, не понимает всей полноты и тайной сложности прячущегося и

происходящего тут, охватило его; медленно повернувшись, пытаясь понять собственное беспокойство, он вновь зашагал по сухому песку. Что-то большее, чем просто явление живого существа среди мертвого мира, было в том, что он увидел, Вадим поежился, видимость, пробормотал он, всего лишь видимость, не успев додумать это, краем глаза уловив слабый отблеск света впереди, он поднял голову – тусклый фонарь с разбитым стеклом показался вдали. Прибавив шагу, метров через двести он вышел из парка.

Кругом не было ни души. Справа темнели развалины незаконченной стройки с заржавевшим бульдозером без гусениц, слева, в крохотном скверике, на высоком круглом постаменте – статуя человека с отбойным молотком, между ними уходила вдаль узкая улочка, зажатая между забором, за которым высились длинные заводские корпуса, и линией самодельных жестяных гаражей. Направляясь к ней, Вадим взглянул в сторону скверика, в памятнике ему почудилось что-то необычное; не став присматриваться, он пошел дальше, двери гаражей были перекошены и сорваны с петель, метров через двести громады корпусов оборвались, потянулись двухэтажные здания каких-то заброшенных складов, улочка чуть повернула, в замешательстве Вадим остановился – лежавший на брюхе проржавевший автобус без колес и стекол перегораживал путь, к стенке его была прислонена деревянная лестница. Взобравшись по ней, Вадим перелез по крыше; спустившись по груде автомобильных покрышек

и прыгнув на землю, он на мгновение замер – три массивные неподвижные фигуры угрожающе маячили в полусотне шагов от него. Секунду поколебавшись, он пошел вперед, фигуры двинулись навстречу ему.

Под ногами хрустел гравий.

Спокойно, подумал Вадим, может, и раньше времени ты напрягся. Трое почтенных городских жителей после плотного ужина вышли на вечерний моцион прогуляться и обсудить последние новости. Завязать разговор, спросить их о чем-нибудь? Интересно только, о чем – как пройти в библиотеку? Да, будет в самый раз.

Приблизившиеся фигуры быстро разделились – прибавив шагу, двое зашли с боков, движения их резко ускорились, мгновенно приблизившись, схватив и заломив ему руки за спину, они повели его, полусогнутого, толкая перед собой; не оглядываясь, третий шел впереди. Шагов через пятьдесят они стащили его с улочки; пройдя по размытой глинистой тропинке между какой-то свалкой и кирпичным сараем, они вытолкнули его на ярко освещенную поляну, человек семь или восемь, сидевших вокруг костра, повернулись в их сторону; отпустив Вадима и толкнув его в спину, конвоиры отступили; с хрустом распрямляя заломленные руки, Вадим выпрямился – сидевший отдельно от остальных истощенно-худой босой человек в грязной длиннополой шинели рывком поднял голову, отблеск костра высветил его странное полудетское лицо. Вскочив, на мгновение замерев

и вдруг подпрыгнув, он в два прыжка приблизился к Вадиму вплотную.

– На Стахановке, – словно отвечая на немой вопрос, произнес за спиной у Вадима чей-то хриплый голос.

Быстро придвинув голову, заглянув в самые зрачки Вадиму, тут же отпрыгнув, как-то странно обмякнув, человек быстро зашевелил губами, блуждая взглядом по траве.

– Хороший... Хороший... Издалека... Издалека...

Снова прыжком приблизившись, искривленно согнувшись, плачущим взглядом он вновь впился в лицо Вадима снизу вверх.

– Бежит слезинка, капает... День капает, век капает... Как осушить? Ни кнут, ни пряник... Ни кнут, ни пряник не помогают. Как?!

Словно внезапно целиком уйдя в себя, что-то беззвучно шепча, безвольно отступив на шаг, он скрючился, изломанно держа руки; кто-то из сидевших у костра что-то бросил в пламя, костер полыхнул, лица смотревших на Вадима людей не шелохнулись. Застыв, упершись взглядом в одну точку, человек истощенно шевелил губами.

– Платить... За все платить... За справедливость... За Божью справедливость... Ни кнут, ни пряник...

Вдруг разом переменявшись, дернувшись как-то боком, он остро взглянул на Вадима.

– «Люди навсегда останутся глупенькими жертвами обмана и самообмана, пока не научатся за любыми религи-

озными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов».

Губы его отвердели, во взгляде на мгновение блеснул ничем не затененный острый ум.

– Вот ведь как...

Коротко вздрогнув, бросившись к Вадиму, он схватил его за лацканы, вновь лихорадочно заглядывая в глаза.

– Тухачевский... Не смогли, не прорвались... А если бы... Эффект домино... И тогда все, все разом... А?

Враз обмякнув, он отшатнулся, бессильно шаря взглядом по траве.

– Иначе нельзя... Искушат, изведут, обессилят... Ни кнут, ни пряник... Не выдержать. Если только все, все разом...

Он резко обернулся к Вадиму.

– А если нет?!

Мгновение замершим взглядом он смотрел в пространство.

– Только Божьим, словом Божьим... Иначе – не выдержать... Только Бог, только Бог...

Вдруг дернувшись, взорвавшись слезами, рухнув наземь, страшно кривясь, он закрутился юлой по траве.

– Грешен! Грешен я! Грязен! Прости меня, Господи, в ничтожности моей...

Судорожно вытянувшись, руки его царапали землю.

– Из грязи произошел, грязь извергаю...

Изогнувшись дугой, вновь свернувшись клубком, он забился на земле с вывороченно запрокинутой головой, словно что-то выбивая из себя.

– Грешен! Гнусен!

Вывалинный в грязи, внезапно вскочив, вновь прильнув к Вадиму, снизу вверх, дергая за лацканы, он потянулся к нему, моляще заглядывая в глаза.

– Скажи: спасемся? Верю спасемся?

В судорожном ожидании глаза его, слезясь, не мигая, смотрели на Вадима.

Что сказать ему, – подумал Вадим. – Сказать как есть? Нельзя, не поймет. Или поймет? Что он поймет...

Мгновенье помедлив, подняв глаза, стараясь попасть в тон, Вадим встретил его взгляд.

– Воздано будет каждому по вере его...

На мгновенье застыв в неподвижности, отскочив, бросив быстрый лукавый взгляд на Вадима, человек подпрыгнул, изогнувшись; глаза его загорелись; словно ликуя, он закружился, подпрыгивая, вокруг Вадима словно в танце, сияя, торжествующе тыча в его сторону пальцем.

– Не верует! Не верует!

Разом потухнув, вплотную подойдя к Вадиму, склонив голову набок, серьезно, словно извиняясь, он заглянул в глаза ему.

– Только словом Божьим... – в глазах его мелькнула ласковая укоризна, – а с иными – нет... Иным – нельзя...

На излете, словно теряя интерес к разговору, он вяло махнул рукой в сторону сидевших у костра.

– К Богу! К Богу его ближе!

Резко обернувшись, он вскинул руку, рот его перекосялся криком.

– На крест его!

Вскочив и бросившись к Вадиму, люди, сидевшие у костра, повалив, заломанно держа его руки, туго связали ремнем его ноги; лежа на животе, повернув голову, он увидел прислоненный к стене сарая массивный деревянный трехметровый крест. Волоча по земле, они потащили его к стене, кто-то уже положил крест плашмя; затянув его на крест, еще одним ремнем они туго привязали его ноги; прижав раскинутые руки, они примотали их к перекладине. Несколько человек уже присели у изголовья, поднатужившись, дружным движением они приподняли крест с примотанным к нему Вадимом, подбежавшие еще несколько человек подперли вертикальную балку; напрягшись, согласным усилием они взметнули крест вертикально. Навалившись, кантуя, как на стройке, они придвинули крест к стене сарая и оставили прислоненным. Откуда-то взялась стремянка, встав на ее нижнюю ступеньку, кто-то сунул под нос Вадиму привязанную к длинной палке губку, пропитанную чем-то парализующе терпким, туман ударил ему в голову. Вознесенный над крышей сарая, пытаюсь пошевелиться, чувствуя насмерть примотанные руки и ноги, подняв голову, он различил вдали, в уплывающей мгле

контуры дома и несколько тускло мерцавших окошек. Люди, глядя на него, полукругом стояли внизу. Какой-то человек в треухе и ватнике, присев, возился у подножья креста, в ящичке блеснули гвозди. В изумленной досаде, замутненно, пытаясь собрать расплывающиеся мысли, Вадим смотрел на них. «Идиоты, болваны, изверги... Они что, серьезно? Почему сейчас? Безумная толпа... Почему сейчас! Почему так рано? Изверги...» Встав на стремянку, человек с гвоздями в кулаке быстро поднялся, оказавшись вровень с Вадимом; деловито осмотрев его руки, вытащив из-за пояса молоток, взяв один гвоздь в зубы, он примерил другой к его запястью, люди, стоя внизу, без выражения смотрели на них. Заторможенно, неверяще, не в силах понять, Вадим смотрел на расплывающиеся внизу их головы и плечи. «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят», – промелькнула в нем невесть как залетевшая в голову мысль. Вытащив торчавший меж зубов гвоздь, человек сунул его в карман; приставив гвоздь к запястью, он замахнулся молотком, замороженно Вадим смотрел, как движется его рука.

«Может быть, я – Христос?» – подумал он.

Блеснула ослепительная вспышка, и сознание оставило его.

* * *

Лампочка в круглом абажуре и белый потолок. С трудом

приподнявшись на локте, Вадим огляделся, заново примеря толчками возвращавшийся разум, – комната была бедно обставленной и чистенькой. С заваленного книгами стола свисали загнутые углы географических карт, на ковре справа над кроватью серебрилось с полсотни разнообразных кинжалов и кортиков. Вадим прислушался – через полуоткрытую дверь доносились шаги; судя по скромному потрескиванию, где-то рядом жарилась яичница.

Вошедший в комнату коренастый широколицый человек со шкиперской бородкой и с чайником в руке, увидев очнувшегося Вадима, одобрительно кивнул.

– Оклемались? Я уж решил подождать, не стал вам нашта-тырь под нос совать.

– Спасибо, – сказал Вадим. – Вы – святой Петр?

Человек усмехнулся.

– Георгий. Хотя до святого мне далеко. Как, впрочем, и вам.

Вадим посмотрел на свои запястья, следов гвоздей на них не было.

– Да, теперь уже вряд ли. Хотя этот юродивый имел серьезные намерения.

Человек знающе качнул головой.

– Лешка-попрыгунчик. Они в него, как в идола языческого, верят. Я как увидел, что они кого-то ведут, решил – лучше прослежу, мало ли что. Светошумовые гранаты помогли – всегда их на всякий случай с собой ношу.

Вадим покрутил головой, выбивая остатки одури.

– Тут что, каждый день кого-то распинают?

– Да они бы с радостью, только кто сюда заходит. Завод закрыт давно, а жилых домов, считайте, и нет. Общежитие старое да эта хибарка – еще от частного сектора осталась. Слава богу, хоть электричество и воду не отключают.

Вадим смущенно взглянул на него.

– Вы уж извините. Тяжело, наверно, было меня тащить.

Человек бегло-оценивающе смерил его взглядом.

– Да нет, у вас – только рост, так-то и потяжелей таскать приходилось. С двоих из них ремни снял, лямку сделал. Техника-то известная.

Поднатужившись, Вадим сел на кровати. Голова все еще кружилась.

– В другое место перебраться не пробовали? – вспомнив Алю, спросил он. – В центре много квартир пустует.

Человек пожал плечами.

– А смысл? Доходяги эти все равно ко мне не полезут – если вы об этом. А крыша над головой и здесь есть. Какое ни есть жилье, а все-таки свое – я еще отсюда в училище уходил, а после отставки вообще удобно было – тут рядом автобусная остановка была, пятнадцать минут – и на точке, прямо до места работы автобус ходил.

Вадим невольно усмехнулся.

– Это тот, что поперек улицы стоит?

Человек усмехнулся в ответ.

– Ну, что именно этот физический экземпляр, не поручусь, а так-то их много ходило – прямо до химкомбината.

Почувствовав, как какие-то шестеренки с трудом щелкнули в его голове, Вадим заторможенно поднял глаза на него.

– Погодите... Это дом три, корпус один?

– Ну, корпус – сильно сказано. Дом, впрочем, тоже.

– Георгий... Георгий Иванович. Так вы – Казначеев?

Человек задумчиво взглянул на него.

– Получается, ко мне шли.

– Получается, к вам. Я Вадим.

Мгновенье человек словно заново разглядывал его.

– Сейчас угадаю. Из Москвы?

– Угадали.

Как-то безнадежно человек кивнул.

– Приезжих в последнее время особенно видно.

Он махнул рукой.

– Ладно, подсаживайтесь. Как бы то ни было, позавтракать все равно не мешает.

– Позавтракать или поужинать?

– А есть разница?

Ухмыльнувшись, Вадим подсел к столу. На ходу его еще немного шатало. Поставив на стол стопку тарелок, человек ушел на кухню. Минуту он громыхал там кастрюлями; вернувшись со сковородкой и банкой разогретой тушенки, он разложил по тарелкам яичницу и сел за стол. Сообразив, что это первая его еда за два дня, стараясь быть скромным, Ва-

дим вытряхнул себе в яичницу немного тушенки. За пару минут они покончили с едой; разлив по чашкам чай, хозяин нехотя откинулся к спинке стула.

– Ну что, спрашивайте, что хотели. Хотя я знаю, зачем вы пришли.

– Я знаю, что вы знаете.

– Ну, это-то мудрено не знать. Проблема в городе одна.

Помедлив, он бросил на Вадима испытующий взгляд исподлобья.

– И кто вас послал на этот раз?

Вадим усмехнулся.

– Угадаете?

– Мэрия была, МЧС было, «фуражки» были... Те, кому принадлежит комбинат?

– Почти. Те, кому принадлежат те, кому принадлежит комбинат.

– Ну, это не принципиальная разница.

– Они считают ее принципиальной.

– Не важно, что они считают. Ну а вы-то сами чего хотите?

Между прочим, хороший вопрос, устало подумал Вадим. Несколько мгновений он молчал. Поморщившись, он поднял на хозяина глаза.

– Ладно. Объяснимся.

Он помедлил, тяжело глядя на хозяина.

– Те, кто обратился ко мне, хотят разморозить не приносящий дохода актив – это их право, они таковы, каковы они

есть, это бизнес. Что до меня, то в иной ситуации я, возможно, не согласился бы, но обстоятельства сложились так, что я согласился, и, поскольку это произошло, получается так, что мои и их интересы на данный момент совпадают – не будем касаться вопроса почему, не важно почему. И коль скоро я здесь, и раз, как всем очевидно, главное препятствие к нормальной жизни здесь – это Облако, то я намерен покончить с Облаком – согласитесь, что цель весьма праведная и никоим образом не заслуживает осуждения – в конце концов, жить в вечной тьме неестественно для человека.

Хозяин нетерпеливо покачал головой.

– Речь не о том, что она заслуживает осуждения. Но как вы собираетесь покончить с Облаком? Вы что – химик?

Быстро подняв глаза, Вадим отсекающе-жестко помотал головой в ответ.

– Не в химии здесь дело. Я не химик, и я всего лишь второй день в этом городе, но кое-что мне ясно как день – извините за такой каламбур, учитывая местные условия. Можно годами сидеть здесь, как это делают эти несчастные, которые пытаются определить химическую формулу Облака, и ни на йоту не приблизиться к разгадке. Но даже если они установят ее – что сомнительно, – беда в том, что это никому и ничему не поможет. Химические подробности – это флер, это облако мошкары, выющееся перед реальной картиной и не дающее ее разглядеть. Вы опытный человек, и я хочу, чтобы вы понимали – если еще не поняли, – появление такой

специфической субстанции, как Облако, не могло быть следствием технологической случайности или аварии. Вещество с такими специфическими свойствами могло быть лишь результатом разработки. И я сильно сомневаюсь, что эта разработка входила в число плановых – особенно принимая во внимание специфику комбината.

Хозяин по-профессиональному внимательно взглянул на него.

– Что вы имеете в виду?

– То же, что и вы. Понятно, что комбинат занимался производством химических вооружений. И сомнительно, чтобы в фарватере этих занятий результатом могло оказаться совершенно безопасное вещество.

Поморщившись, хозяин отвел глаза.

– Ну, насчет того, что это вещество безопасное...

– Это очень важное замечание, и потом я попрошу вас к нему вернуться, но сейчас я хочу сказать о другом. И о гораздо более важном.

Он прицельно взглянул на хозяина.

– Не было никакой аварии на комбинате. «Субстанция черного цвета» выделяется ровно столько времени, сколько нужно, чтобы накрыть весь город, потом разом останавливается, потом планомерно раз в месяц порционно подкачивается, чтобы держать систему в равновесии, управление технологическим процессом теряется на время выброса, потом, по окончании выброса, как по мановению волшебной палоч-

ки восстанавливается, все оборудование в исправности, ни взрывов, ни повреждений – это не авария, это управляемое системное вмешательство, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понимать это. И поэтому я хочу задать вам два вопроса. Вы восемь лет проработали на комбинате, вы знаете людей – причем не только анкетно, но наверняка и человечески, вы были глаза и уши государства в этом механизме. Поэтому я вам задам почти классический вопрос сыщиков из детективных сериалов – не замечали ли вы чего-то необычного в поведении специалистов-разработчиков комбината?

– Чего именно необычного?

– Не знаю. Все что угодно. Может быть, в какой-то момент кто-то из них вел себя как-то особенно нервно; может быть, среди них выделилась какая-то неформальная группа, явно связанная какими-то отношениями – и какими-то целями, – не имеющими отношения к служебной деятельности; возможно, кто-то из них вдруг стал каким-то особо осторожным, или они начали общаться между собой какими-то намеками или условными словами, показывающими, что им совместно есть что скрывать, – не знаю, не могу точно определить. Но это только первый вопрос, а есть и второй, и он гораздо важнее первого. Где находится центр управления технологическим процессом комбината и есть ли способ туда попасть.

Помедлив, хозяин оценивающе поднял на него глаза.

– И зачем это вам?

– Чтобы выполнить то, что я должен сделать. Я ничего не понимаю в химии, но в теории систем я кое-что понимаю. Вмешательство такого масштаба могло быть выполнено только централизованно – и единственным инструментарием для него могла быть действующая система управления. Ясно, что бороться надо не с последствиями, а с корнем проблемы. И если вы хотите поразить дракона, то первое и лучшее, что вы можете для этого сделать, – это проникнуть в логово дракона. Потому что большинство его уязвимостей, скорее всего, там. И если центр управления технологическим циклом комбината существует, то, попав туда, я, скорее всего, разберусь, что привело к появлению Облака. И я уничтожу его.

С сомнением бросив взгляд на Вадима, хозяин некоторое время молчал. Недовольно кривясь, глядя в сторону, он пожевал губами.

– Ну что... Хоть какая-то позиция...

Он вновь повернулся к Вадиму.

– Кто вы по образованию?

– Радиофизик. Плюс мехмат.

– То есть умеете взламывать компьютерные системы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.